

ГИБЛОЕ МЕСТО

АНТОН
ГРАНОВСКИЙ

ГОНЧИЕ СМЕРТИ

Антон Грановский

Гончие смерти

Серия «Гиблое место», книга 8

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=324262
Гончие смерти: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-42800-7

Аннотация

Три долгих года в самой страшной темнице Хлынского княжества – в Мории – томился Глеб Первоход. По велению самозваного князя Добровола волхвы опаивали узника снадобьями, вызывающими запредельно ужасные сновидения, и не было мученьям ни конца ни края... Так печально могла бы закончиться жизнь Глеба Орлова, журналиста, волею судьбы заброшенного из современности в Древнюю Русь. Но жрецы Нуарана посылают за ним Лесану – девушку, обладающую особым Даром. Ее народу грозит гибель от чудовищных гончих смерти, и Лесана вместе с друзьями Первохода отправляется ему на выручку. Ведь, по мнению жрецов, спасти обитателей Иноземья может только Глеб...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	15
1	15
2	21
3	28
4	33
5	39
6	42
7	46
8	57
9	66
10	73
11	77
12	81
13	90
14	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Антон Грановский

Гончие смерти

*Так воин хочет отдохнуть. А ворон хочет есть,
И принимает долгий сон он не за то, что есть.
А мне велели передать, что воин будет спать,
И просыпаться, и впадать в беспамятство
опять.*

Денис Новиков

Пролог

Дыхание с хрипом вырывалось из узкой груди Прошки. Прижав к груди баранью ногу, парень стремглав несся по темной улице.

– Дердзи его! – отчаянно вопили вслед. – Дердзи ворёнка!

«Еще чуть, – думал Прошка. – Еще немного».

До переулка всего ничего. Сейчас Прошка добежит до переулка, свернет в него – и только они его и видели. Проклятые китаёзы! Удавятся за кусок баранины!

Прошка крепче прижал к себе баранью ногу. Вот и переулок. Свернуть в него, добежать до деревянного забора, перемахнуть, еще раз свернуть, юркнуть в дыру, перебежать через подклет разрушенной школы и – вот она, сытая седь-

мица!

Прошка свернул в переулочок и бросился к забору, но в этот миг жилистая рука китайского мясника-забойщика ухватила его за шиворот и резко рванула назад. Ворота Прошки затрещали, а сам он резко сбавил ход, но еще пару шагов протащил китаёзу за собой, однако еще несколько жилистых желтых рук ухватили Прошку за плечи и повалили на землю.

– Попался, гадзёнысь! – заорал один из китаёз.

Тут к трем мясникам подоспели еще двое. Прошка попытался встать, но его снова сбили с ног. Мягкий войлочный сапожок китайца ударил его в скулу. Прошка вскрикнул от боли, но баранью ногу не выпустил. И рад был бы выпустить, но руки сами вцепились в парное мясо, и приказы им отдавал совсем не разум, а пустой, урчащий желудок.

Били Прошку сильно, от души. Он уж было собрался отдать богам душу, как вдруг один из китайцев крикнул:

– Упыря!

А другой поддержал его, заверещав еще громче:

– Здеся упыря! Безим!

Кто-то сильно ударил Прошку по спине, он ойкнул от боли и ткнулся лицом в грязь, но баранью ногу не выпустил. Потом Прошку перестали пинать, и войлочные сапоги китайцев затопали по переулочку.

Полежав с минуту неподвижно, чтобы боль чуток утихла, Прошка, по-прежнему крепко прижимая к груди свою добычу, приподнял голову и выплюнул на землю кровь из разби-

того рта. Потом огляделся. Китайцев в переулке больше не было, но у темной стены сарая кто-то стоял.

Прошка зажал баранью ногу под мышкой, достал из сапога нож и, морщась от боли в ушибленных ребрах, тяжело поднялся на ноги.

– Эй! – окликнул он темного человека. – Эй, ты кто?

Человек продолжал молча стоять у стены. Прошка стер с глаз мутную пелену слез и снова взглянул на незнакомца. Взглянул – и лучше бы не глядел. Волосы на голове у Прошки встали дыбом, а по спине стекла к ягодицам струйка холодного пота. У стены стоял упырь.

Прошка попятился. В руке у него был нож из белого железа. Можно было попытаться прикончить упыря, однако Прошка медлил. Как ни крути, а упырь спас его от китайцев. Кроме того, он легко мог добраться до Прошки, пока тот лежал на земле да отплевывал кровь, но почему-то не стал.

– Эй, урод! – снова окликнул Прошка. – Ты почему меня не слопал?

Чудовище молчало. Прошка внимательней взгляделся в его лицо. Пришелец из Гиблого места был по-мертвому бледен, но взгляд у него был растерянный и тоскливый, словно у затравленного зверя.

Сглотнув слюну, Прошка хрипло проговорил:

– Бежал бы ты лучше отсюда. Китайцы натравят на тебя наших мужиков, а те жалеть не станут. Переломают тебе кости батогами, а после отсекут серпом башку. Будешь тогда

знать, как стоять да глазами хлопать.

Упырь, будто что-то понял, повернул голову и посмотрел на просвет переулка.

– Вот-вот, – сказал Прошка и слегка поежился. Все-таки находиться рядом с упырем было страшновато. – Ты это... Ты делай что хошь, а я пойду, ладно?

Монстр снова перевел взгляд на Прошку. Он словно бы хотел что-то сказать, да не мог. Тогда Прошка крепче прижал к себе баранью ногу и, держа нож наготове и не спуская с упыря глаз, осторожно двинулся мимо него. Упырь не делал попыток напасть. Он стоял на месте и медленно поворачивал голову вслед за крадущимся вдоль стены парнем.

Отойдя на безопасное расстояние, Прошка остановился. Урод стоял на том же самом месте, что и прежде, и все так же смотрел на него. Прошка нахмурился.

– Дурак ты, упырь, – с досадой проговорил он. – Точно дурак. Погубят ведь тебя, нешто не понимаешь?

Пришелец из Гиблой чащобы продолжал молчать, глядя на Прошку своими грустными, тоскливыми глазами. И Прошка не выдержал.

– Ладно, – выдохнул он. – Попробую тебя вывести. Только слушаться меня, а не то нам обоим кранты. Понял?

Упырь ничего не сказал, но веки его слегка дрогнули, будто он хотел вымолвить «да», но снова забыл, как это делается. Прошка осторожно подошел к упырю. Задумался на мгновение – не стащит ли упырь баранью ногу? – но вспом-

нил, что упыри не едят «мертвого мяса», и немного успокоился.

Положив украденную ногу на землю, Прошка снял кафтан и осторожно, готовый в любой миг отпрыгнуть, набросил его чудовищу на плечи. Затем поднял мясо, прижал его к себе левой рукой, а правой потихоньку повлек упыря к выходу из переулка.

– Ногами-то бойчее шевели, – грубовато поторопил он. – Я тебя на себе волоочь не нанимался.

Проскользнуть через главную улицу незамеченными им не удалось. Дорогу преградил разъезд охоронцев – четыре всадника на рослых, упитанных конях.

– Кто такие? – хрипло окликнул Прошку и его мрачного спутника начальник разъезда.

Упырь вздрогнул под кафтаном, а Прошка повернулся к охоронцам так, чтобы они не увидели баранью ногу, и ответил:

– Свои мы. Я плотников сын. А это – мой старший брательник. Домой его веду.

Ратник взгляделся в лицо уroda, но сгустившиеся сумерки не позволили ему разглядеть монстра как следует.

– Пьяный, что ль?

Прошка кивнул:

– Ну!

– Видать, совсем твоему брательнику хреново, лица на нем нет.

– Ничего, не впервой. Проспится и будет как новенький.

– Ладно, идите.

Прошка отвернулся и потащил упыря прочь.

– Да шевели же ты копытами, – хрипло пробормотал он чудовищу на ухо, стараясь не дышать глубоко, чтобы не вдыхать странный и неприятный запах жженой травы, исходивший от упыря.

– Эй, парень! – снова окликнул Прошку начальник разезда.

У Прошки упало сердце. Он остановился и, стараясь, чтобы голос не дрожал, отозвался:

– Чего еще?

– Китайцы сказывали, видели где-то тут упыря. Не встречал ли?

– Нет, дяденька, не встречал. Коли б встретил – живым бы уже не был.

– И то верно, – кивнул начальник. – Ну, ступай! И будь осторожен!

– Буду.

Прошка отвернулся и повлек упыря дальше.

До городской стены дошли быстро. Прошка мигом нашел лазейку, показал на нее упырю и сказал:

– Лезь в дыру и чеши в свой лес. И больше в город не суйся. В другой раз встречу – сам порешу.

Упырь стоял неподвижно и молча. Похоже, он вообще не соображал, что ему делать дальше.

– Н-да, – хмуро проговорил Прошка. – Знал я, что упыри тупые, но чтобы настолько...

Вдали послышался перестук копыт.

– Сюда едут! – взволнованно сказал Прошка. – Да не стой же ты на месте! Лезь в дыру, дубина!

Прошка толкнул урода к дыре, а сам повернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь. Баранья нога все еще была при нем. Миновав рожицу кленов, Прошка зашагал дальше, когда позади послышался шорох. Ворёнок остановился и настороженно глянул на деревья.

– Эй! – тихо, но грозно окликнул он. – Эй, кто там?

Из-за дерева шагнула фигура. Упирь стоял в лунном свете, сутуловатый, неуклюжий, и выглядел совершенно потеряннным. Прошка сплюнул на землю и с досадой проговорил:

– Увязался же ты на мою голову! Хуже бродячей собаки!

Прошка задумался. Бродить по городу с бараньей ногой смертельно опасно. Однако было совершенно ясно, что безмозглый упирь от него не отвяжется. Поразмыслив с минуты, Прошка в конце концов решил занести ногу в полуразрушенную избушку, которую самовольно занял месяц назад, спрятать ее в тайный ящик, который хранил в подполе, а потом уже вывести глупого упыря в лес.

По пути к избушке упирь вел себя смирно. В избушку он долго не решался зайти, и кончилось все тем, что Прошка просто втолкнул его внутрь, ввалился сам и захлопнул дверь.

– Имей в виду, – пригрозил он упырю, – у меня кинжал

из белого железа. Только дернись – вмиг отсеку башку!

Прошка отложил баранью ногу, а затем достал из кармана то, что должно было обеспечить ему сытую жизнь не на седмицу, как сворованное мясо, а на целый год вперед. Это была берестяная коробочка с бурой пылью.

Прошка таскал ее при себе уже три дня, но никак не мог найти порядочного перекупщика. Одни давали слишком малую цену, другие обещали много, но по их глазам Прошка ясно видел – заикнись он, что бурая пыль у него при себе, зарезали бы, не задумываясь.

Прошка положил тряпицу на стол и осторожно развернул ее. И вдруг случилось нечто настолько подлое и невероятное, что Прошка поначалу даже не поверил своим глазам. Упырь, бывший до сих пор смиреннее битой собаки, вдруг подпрыгнул к столу, оттолкнул Прошку и ткнулся пакостной мордой в бурую пыль.

Прошка крепко выругался и изо всех сил врезал упырю кулаком по зубам. Упырь отшатнулся, но снова бросился к бурой пыли. Прошка снова ударил. И еще раз. Сбил упыря с лавки, выхватил из-за голенища нож и выставил перед собой.

– Только попробуй, гад! Порву!

Упырь поднялся на ноги и, облизываясь, как собака, отошел в угол. Прошка пригрозил ему ножом, а затем взглянул на размазанные по столу жалкие остатки бурой пыли.

– Вот гад! – закипая от гнева, воскликнул он. – Ты же ее слопал! Ты хоть знаешь, сколько она стоила, чучело?

На глаза Прошке навернулись слезы. Он поднял нож и свирепо посмотрел на упыря. Тот виновато заскулил в своем углу, однако Прошка заметил, что физиономия у него была довольная.

– Жрешь бурю пыль? – прорычал, забыв об осторожности, Прошка. – На кой ляд, а? Это же не мясо и не хлеб!

Упырь, тихонько поскуливая, вышел из своего угла, поднял руку и неуверенно прочертил в воздухе какой-то знак. В том месте, где он это сделал, появилось голубое туманное облачко.

– Ты чего? – хмуро спросил Прошка. – Чего делаешь?

Упырь опустил руку и уставился на облачко. И вдруг оно стало расти. Прошка вытаращил глаза и попятился. Облачко было странное. Ростом с Прошку, но не округлое и пышное, а плоское, как блин или как щит. Огромный голубоватый блин, сотканный из голубоватой мерцающей дымки.

Прошка опасливо приблизился к голубому блину, шагнул в сторону и заглянул за него. Блин оказался еще тоньше, чем он предполагал. Пожалуй, не толще бересты. Прошка внимательно оглядел блин и сзади и спереди, затем взглянул на упыря и сурово спросил:

– Это чего? Зачем?

Урод глянул на него своими грустными собачьими глазами, но ничего не сказал. Тогда, поняв, что с безмозглым упырем разговаривать бесполезно, Прошка решил исследовать странное облако сам. Он вынул из-за голенища нож и поднес

острие к мерцающей поверхности облака. Ничего не произошло. Тогда Прошка медленно и осторожно проткнул блин ножом. Рука не встретила сопротивления, и клинок утонул в мерцающем облаке больше чем наполовину.

Прошка вытянул шею и посмотрел с другой стороны, надеясь увидеть торчащий оттуда конец ножа, однако ничего не увидел. Нахмурившись, Прошка вынул клинок из облака и исследовал его взглядом. Ничего. Нож как нож.

Чудовище оскалило зубы и издало горлом жутковатый, булькающий звук. Прошка погрозил ему ножом и хмуро пригрозил:

– Посмейся мне еще! Вот сейчас возьму за шиворот и суну туда башкой!

Упырь стер ухмылку с рожи, и Прошка снова повернулся к облаку-блину. Постоял, подумал, а затем поднял руку и медленно протянул ее к мерцающей поверхности облака. Коснулся этой поверхности пальцем и тут же отдернул руку. Посмотрел на палец, но никаких изъянов не нашел. С пальцем все было в порядке.

Тогда Прошка решился сунуть в облако руку.

Сунул. Подержал. Заглянул за облако, надеясь увидеть свои пальцы с той стороны, но, как и было в случае с ножом, ничего не увидел. Прошка выдернул руку и осмотрел ее. Убедившись, что с нею все в порядке, ворёнок подошел к облаку вплитык, шепотом призвал на помощь богов Хорса и Семаргла, а затем решительно сунул в облако голову.

На мгновение Прошке показалось, что он ослеп от яркой вспышки, но в следующий миг зрение вернулось к нему, и он увидел нечто такое, отчего у него захватило дух.

Несколько мгновений воренок таращился вокруг с раскрытым ртом, а затем захлопнул рот, судорожно сглотнул слюну и хрипло прошептал:

– О, Боги... Этого не может быть.

Глава первая

Странник из далекой земли

1

Невысокий, очень стройный юноша шел по Хлынь-граду, беспрестанно оглядываясь по сторонам. Было заметно, что все увиденное юноше в новинку и в диковинку.

Кто-нибудь мог бы предположить, что юноша этот – сельский простак-отрок, которому родители впервые дали денег на посещение главного города княжества. Однако лицо юноши было совсем не простецким, а, напротив, суровым и сосредоточенным. Огромные серые глаза его глядели на все с умным спокойствием, а мягкие и припухлые, будто у девушки, губы были плотно сжаты, свидетельствуя если не о силе воли, то об упрямстве.

Одет юноша был в кожаную куртку, чуть похожую на охотничью, но необычного покроя. Всю ее сплошь покрывали карманы и кармашки. На плечах у юноши был короткий темный плащ, на ногах – кожаные мягкие сапоги с высокими голенищами, а на голове – шерстяная серая шапочка, надвинутая до самых бровей.

Протиснувшись сквозь толпу, собравшуюся на Сходной

площади, юноша взошел на Сходный мост. Здесь шла бойкая торговля. На самых видных местах красовались лубочные картинки, печатанные на досках. Рядом лежали рукописные книги, сочиненные хлынскими и иноземными грамотеями. Какой-то артельщик торговался с книжником за сказку про красавца «Пленку Сурожанина», переложенную с фряжского.

– Дорого ты, дядя, просишь! – горячился артельщик. – За эти деньги я могу купить себе четверть пуда козьего сыра!

– Ну, так иди и купи, – не сдавался книжник. – Сыр что – съел его, и нету. А книгу сам прочтешь, деткам своим картинки покажешь, а после еще и соседям за полцены заго-нишь. Вот и думай, что выгоднее – сыр или книга!

Сероглазый юноша окончания спора ждать не стал, прошел мимо. Книжные лавки кончились, начались иные. Теперь на виду были развешаны сукна, сбруя, парча, позументы с бусами, канитель и кружево для обшивки сарафанов. Юноша то и дело останавливался и со сдержанным удивлением смотрел то на бусы, то на парчу.

После вещевых лавок пошли съестные. Здесь торговали рыбой, коровьим и свиным мясом, курами и перепелами. Юноша смотрел на развешанное на крюках мясо расширившимися от удивления глазами, и даже слегка приоткрыл рот. Казалось, он впервые видит столько ествы разом.

Чуть в стороне, прячась за лавками, стояли подкрашенные бабы. Они были пестро и вызывающе одеты, многие –

заметно хмельные. Во рту у каждой было закушено по серебряному колечку. У тех, что помоложе, с бирюзой, у прочих – с голубым или алым смазнем.

Юноша остановился и уставился на колечки. Пока он стоял, к торговкам этим то и дело подходили мужчины. Бабы же, проходя мимо, плевались и тихо ворчали:

– У, бесстыжие!

– Чтоб вам пусто было, лиходельницы!

Сероглазый юноша собрался идти дальше, но тут одна из молодок с колечком в зубах подошла к нему и заглянула ему в лицо.

– Купи колечко, парень! – с улыбкой процедила она сквозь зубы.

Юноша нахмурился и хотел пройти мимо, но молодка встала у него на пути.

– Купи, не пожалеешь!

Она выплюнула колечко в узкую ладонь и показала его юноше. Лукаво прищурилась:

– Так купишь?

– Мне не нужно, – угрюмо проговорил сероглазый юноша необычайно мягким и высоким голосом.

– Купи, не пожалеешь, – не унималась молодка, сверкая полоской белых зубов.

Юноша прищурил серые глаза, словно ему в голову пришла какая-то идея.

– Как дорого? – спросил он, вдруг заинтересовавшись.

Выговор у него был странный, не по-здешнему мягкий и слегка коверкающий слова. Молодка хихикнула.

– А тебе как – с хмельным сбитнем или насухо?

– А как лучше?

– Со сбитнем! Но так дороже.

– Что ж...

Юноша потянулся в карман, но девка отрицательно качнула головой и быстро сказала:

– С тебя четыре денежки, но рассчитаемся после. Ступай с площади в Ситный переулок. Но иди тише, а то не догоню.

– А Ситный – это который?

– Тот, что за красной избой.

– А где эта изба?

Молодка улыбнулась.

– В той стороне, куда солнце заходит.

Юноша кивнул, повернулся и зашагал в ту сторону, к которой склонялось солнце.

– А ну – разойдись! – громогласно гаркнул вдруг кто-то.

Толпа, ругаясь и матерясь, раздвинулась в стороны, и юноша увидел трех ряженных парней с потешными харями. У одного была козья харя, у второго – баранья, у третьего – свиная. Ряженные волокли на цепи черного медведя. Цепь была приделана к кольцу, а кольцо – продето сквозь нижнюю губу зверя.

Ряженные дудели в дудки и плясали, высоко задирая ноги, и по народу пробежала волна смеха и веселого говорка.

– Эй, скоморохи! – задорно крикнул кто-то. – Князь Добровол запретил играть в городе на дудках и свиристелках! Али не знаете?

– Пущай его запрещает! – весело крикнул в ответ один из скоморохов. – На губах сбубним!

Он сунул дудку в карман и принялся дудеть на губах, да так смешно и глупо, что народ покотился со смеху.

Один из мальчишек схватил с прилавка крынку с тертым хреном и с гоготом швырнул ее в морду медведю. Медведь резко дернулся в сторону, потряхнул головой, зарычал и вдруг сгреб лапами ближайшую бабу. Народ не сразу уразумел, что произошло, и опомнился лишь тогда, когда баба отчаянно заверещала в когтистых лапах мишки, а по косынке ее побежала кровь.

Скоморохи потащили медведя за цепку, но тот обернулся, выпустил бабу из лап и с ревом бросился на скоморохов. Настигнув одного из них, он сшиб парня с ног и подмял его под себя.

Народ шатнулся в стороны. Кто-то завопил от страха, кто-то – от боли.

И тут сероглазый юноша проявил себя самым неожиданным образом. Вместо того чтобы броситься со всей толпой наутек, он подскочил к медведю и с силой ударил его ладонями по ушам. Затем, когда обескураженный мишка выпустил из пасти плечо скомороха, юноша схватил его за ошейник и резко рванул на себя. Опрокинув мишку на спину, юноша

прыгнул ему на грудь, склонился к нему низко-низко и проворковал ему что-то на ухо на странном, курлыкающем языке.

Медведь замер, потом рыкнул и тряхнул огромной башкой – будто кивнул.

Юноша соскользнул с медведя и поднялся на ноги. Затем поправил на голове шерстяную шапочку и быстро зашагал прочь.

Народ пришел в движение, загудел. А несколько ратников, пробившись через толпу, уже набросились на медведя и принялись крутить ему лапы веревками.

2

Молодка нагнала парня сразу за красной избой. Подбежала, дернула за рукав, а когда он обернулся, блеснула зубами и спросила:

– Куда пойдём – ко мне или к тебе?

– Никуда, – ответил тот.

Девка удивленно и недоверчиво вскинула брови, затем огляделась по сторонам, чуть подалась вперед и уточнила:

– Ты чего? Хочешь прям здесь? Гляди – люди увидят, крик подымут!

Парень поморщился и проговорил сухим, неприветливым голосом:

– Не того хочу. Другого.

– Другого? – Девка нахмурилась. – Вообще-то, я *другого* не делаю. Но коли приплатишь ещё четыре денежки...

– Я плохо знаю город, – сказал вдруг парень. – И хочу, чтобы ты помогла мне найти нужный дом.

– Дом? – В глазах молодой мелькнуло недоверие. – Затем и позвал?

– Да, затем и позвал.

Молодка скользнула взглядом по ладной фигурке парня, по его нежному, словно у ребенка, лицу. Казалось, она разочарована.

– Какой же тебе нужен дом, парень? Ты скажи, я проведу.

– Дом дознавателя Крюка. Знаешь такой?

По лицу молодки пробежала тень, темные, подправленные углем брови съехались к узкой переносице.

– А тебе на что дознаватель? – спросила она.

– Нужен, раз говорю.

– Нужен, говоришь? – Молодка прищурила лукавые глаза, взгляделась в лицо юноши и вдруг нагло, с издевкой проговорила: – А иди-ка ты к лешему, щенок!

Затем повернулась и зашагала обратно к площади. Однако парень быстро нагнал ее, схватил за плечо и резко развернул.

– погоди!

– Сам годи, коли хочешь! А меня не трожь! – Девка дернула плечом. – А ну – пусти! Пусти, говорю!

Парень не отпустил, тогда молодка матюкнулась, махнула рукой и что было мочи двинула его кулаком по голове.

Шапка слетела с головы парня, но вместо того, чтобы бежать, молодка застыла на месте с открытым ртом. По плечам парня рассыпались длинные густые каштановые волосы. И вдруг все стало понятно и очевидно, настолько, что молодка даже удивилась – как это она не поняла раньше?

– Так ты девка! – ахнула молодка.

Парень, оказавшийся девкой, поднял шапку с земли и поспешно натянул ее на голову. Молодка облегченно вздохнула. Потом улыбнулась и сказала:

– Теперь понятно, почему любви не захотел. А я уж подумала, что тебе не нравлюсь. Как тебя зовут?

Девка натянула шапку до глаз, подоткнула пальцами волосы, глянула на молодку суровым взглядом и нехотя ответила:

– Я зовусь Лесаною.

– А я – Милкою. Ты и правда хочешь, чтобы я отвела тебя к пыточным домам?

– Да.

– Но почему ты обратилась ко мне?

– Я ко многим обращалась. Никто не хочет идти к пыточным домам. Здесь это считается плохой приметой. Надеюсь, ты не веришь в дурацкие приметы?

Милка лукаво улыбнулась.

– Я верю во многие приметы, Лесана. Но еще больше я верю звону медных монеток. Доплати мне еще три денежки, и я отведу тебя хоть к лешему в берлогу.

Лесана недоверчиво посмотрела на Милку, затем достала из кармана куртки кошель, высыпала на ладонь несколько монеток и протянула их молодке.

– Держи.

Монетки перекочевали в узкую ладошку Милки. Вдруг она вытаращила глаза на что-то за спиной у Лесаны и испуганно вскрикнула:

– Гляди, чего это там!

Лесана быстро обернулась. Оглядела стены, кровли, окна домов, нахмурилась и снова повернулась к молодке.

– Я ничего не...

Милка опрометью неслась по переулку, зажав в руке день-

ги. Она знала, что бегают быстрее всех в городе, и всегда этим гордилась. Лагодка, подруга Милки, лучше всех дра-лась. Вторуша, другая подруга Милки, ловко крутила в паль-цах ножик и могла порезать кого хошь. Милка плохо дра-лась и боялась ножа, зато бегала так, что за ней не смогли бы угнаться даже княжьи скороходы.

Ублажать парней – ремесло опасное. Парни часто входят в раж, могут и по зубам дать, а то и чего похуже. Да и бабы продажных молодок ненавидят. Любая норовит исподтишка локтем в бок двинуть. Тут, коли не умеешь за себя постоять или удрать от опасности, никак не выжить.

Однако на этот раз ноги Милку не спасли. До конца пе-реулка оставалось всего полторы саженьки, когда цепкая ру-ка ухватила ее за волосы и швырнула к стене. Милка заши-пела по-змеиному и попыталась царапнуть Лесану ногтями по лицу, но девка, переодетая парнем, ловко перехватила ее руку и сжала так сильно, что молодка вскрикнула.

– Не хватай, паскуда! – морщась от боли, выкрикнула она. – Убери грабли, говорю!

– Успокойся, – ледяным голосом приказала Лесана. – Уго-монись, дура.

Милка поняла, что самой ей из беды не выпутаться и что пришло время звать на помощь дядьку Хвороста.

– Хворост! – закричала она так громко, что Лесана испу-ганно отшатнулась. – Дядька Хворост, помоги!

Звать пришлось недолго. Хворост, как всегда, появился в

переулке будто бы ниоткуда. Только что его не было, и вот он стоит, заслоняя собой полдома. Полукафтан плотно обтягивает толстые, как столбы, руки. Суконная шапка едва умещается на огромной голове. Рыжая борода такая густая, что в ней может свить гнездо цапля.

– Пошто молодку мою мнешь, паря? – прорычал Хворост, подступая к Лесане и гневно сверкая на нее глазищами.

Девка, переодетая парнем, глянула на верзилу хмурым взглядом и сказала:

– Я заплатил.

Дядька Хворост осклабился.

– Думаешь, коли заплатил, то можешь портить молодке морду?

Великан Хворост остановился в шаге от Лесаны, навис над ней скалой. Лесана скользнула взглядом по его толстому лицу и сухо произнесла:

– Прошу тебя, человек, не доставай меня.

– Что? – Глаза великана сузились. – Как ты меня назвал, щенок?

– Я назвал тебя человеком.

В глазах Хвороста полыхнул свирепый огонек, и тут он увидел, что в руке Лесаны появился длинный витой нож, каких в Хлынь-граде отродясь не ковали. На мгновение великан оторопел, но тут Милка крикнула:

– Хворост, не гляди на его ножик, этот парень – баба!

– Вон оно что! – верзила усмехнулся. – То-то, я смотрю,

паренек ладненький да гладенький. Значит, ты девка? Ротик-то у тебя вкусный, я и отсюда вижу. Слышь-ка, красавица, а иди ко мне работать. Обижена не будешь. Из десяти заработанных денежек – три твои. Ну, и меня будешь ублажать, когда скажу. Соглашайся, милая.

Серые глаза Лесаны гневно сузились.

– Отвяжись от меня, орясина, – яростно проговорила она. – Отвяжись, пока я тебе бороду не подрезала.

Верзила побагровел.

– Ну, считай, сама напросилась!

Он с хрустом сжал пудовые кулаки и ринулся на Лесану. Милка, стоявшая в стороне, не сразу сообразила, что произошло. Сначала ей показалось, что здоровяк Хворост подмял девку под себя, но миг спустя она увидела, как он взлетел в воздух, кувыркнулся через голову и рухнул спиной на битые камни. С трудом поднявшись, он хотел врезать Лесане, но она увернулась от огромного кулака, перехватила его руку и резко вывернула ее. В руке у Хвороста что-то хрустнуло, и он громко застонал.

Лесана одной рукой схватила его бороду, задрала ее верху и быстро срезала кинжалом – под самый подбородок.

– В другой раз сломаю тебе шею, Хворост. А сейчас... – Она, презрительно дернув губами, обронила: – Пошел вон.

Отшвырнув отрезанный кусок бороды, Лесана выпрямилась и повернулась к Хворосту спиной, будто забыла о его существовании. Милка видела, как дядька Хворост борется

с желанием напасть на Лесану сзади. Казалось бы – чего проще? Сгрести девку руками да хорошенько сжать – косточки и полопаются. Но нет, не решился Хворост напасть на девку, не рискнул.

Не глядя на Милку, верзила повернулся, понурил голову и зашагал прочь из переулка.

3

Теперь Милка была по-настоящему напугана. Никогда прежде она не видела, чтобы кто-то смог побить дядьку Хвороста. А эта худосочная девка не только побила, но и срезала ему бороду под корень. Что же это такое делается в мире?

Всхлипнув, Милка затараторила:

– Забери у меня все деньги, но не заставляй идти к пыточному дому. Прошу тебя!

– Ты обещала мне, – сухо сказала Лесана. – И ты мне его покажешь.

– Ратники не любят, когда кто-то глазеет на пыточный дом или ходит возле. Нас с тобой схватят!

– Не схватят. Ну а схватят, так сами пожалеют. Пошли! – Лесана схватила молодку за шиворот и толкнула вперед. – Ступай самым ближним путем!

Делать нечего, Милка, шмыгая носом, поплелась по переулку к северной окраине города.

Шли они долго. Попадавшийся по пути народец провожал нарумяненную молодку и хмурого отрока сердитыми взглядами. Бабы плевались, мужики хохотали и отпускали скабрзные шуточки.

Лесана шла вперед легкой, невесомой походкой, не обращая внимания на шутки мужиков и кривившиеся физиономии баб. Ее лицо было спокойным и строгим, словно у че-

ловека, уверенного в своих силах и сосредоточившегося на нелегкой работе, которую надлежит как можно быстрее сделать.

Милка, морщась от усталости, едва плелась. Она была бы рада сбежать, но знала, что мерзкая девка догонит ее. Догонит и прибьет. Рассчитывать на то, что кто-нибудь заступится, не приходилось.

После получаса ходу Лесана и Милка пересекли пустырь, поросший тополями, перебрались через овражек, спугнув несколько бродячих псов, и вышли на неширокую тропку. Впереди маячили три больших дома, сложенных из старых, темных бревен. Каждый из домов был обнесен забором высотой в сажень.

Милка остановилась и перевела дух. Затем покосилась на Лесану и тихо сказала:

– Тот, что слева, первый пытошный дом. Там сидят князьи дознаватели. Во втором – каты, которые растягивают узников на дыбе и ломают им кости. А третья, поменьше прочих двух, молодецкая. Там сидят ратники.

Милка шмыгнула носом, состроила жалобное лицо и спросила:

– Теперь ты отпустишь меня?

Лесана качнула головой.

– Нет.

Ресницы молодки дрогнули.

– Я ведь все тебе показала, – жалобным голосом прого-

ворила она.

– Верно. Но ты мне еще понадобишься.

Милка хлюпнула носом, на глазах у нее заблестели слезы, но Лесана не обратила на это никакого внимания. Вместо того чтобы проявить сочувствие, переодетая парнем девка достала из кармашка сухую веточку травы и протянула ее Милке.

– Съешь это! – приказала она.

Милка испуганно заморгала.

– За... зачем?

– Съешь, говорю.

Делать было нечего, Милка взяла сухую веточку и положила на язык.

– Жуй! – приказала Лесана.

Милка нехотя разжевала. Тотчас по телу ее заструился холод. Милка открыла рот и зябко повела плечами – кожа ее начала коченеть, а в следующий миг молодка почувствовала, что у нее отнимаются ноги, и, вспотев от страха, медленно опустилась на землю.

– Ты... околдовала... меня... – непослушным голосом проговорила Милка, глядя на свою мучительницу расширившимися от ужаса глазами.

– Сиди здесь и не пытайся уползти, – велела Лесана.

Милка заплакала.

– Мои... ноги... – обливаясь слезами, всхлипнула она. – Я их... не чувствую... Что ты со мной сделала, гадина?

Лесана, не обращая внимания на слова Милки и больше не глядя в ее сторону, поправила на боку кинжал, повернулась и зашагала к дому дознавателей. Походка девушки была легкой и уверенной.

«Великие боги, сделайте так, чтобы эта гадина сдохла!» – взмолилась про себя Милка.

Лесана остановилась, глянула на молодку через плечо и с холодной насмешливостью проговорила:

– Дура. Если я сдохну, ты останешься лежать тут. И будешь лежать, пока тебя не объедят собаки. Молись своим богам, чтобы я вернулась!

Сказав так, Лесана отвернулась и зашагала дальше, а Милка уставилась ей вслед с перекошенным от страданий, страха и изумления лицом.

Когда до забора оставалось несколько шагов, Лесана резко рванулась вперед, пробежала оставшееся расстояние бегом и вдруг высоко подпрыгнула. Издалека Милке показалось, что Лесана не коснулась заостренных концов забора ни руками, ни ногами, а просто перелетела через него, как петух перелетает через изгородь.

А Лесана, мягко приземлившись по другую сторону забора, услышала голоса приближающихся ратников и молниеносно отпрянула к стене дома. Подхватив рукою край плаща, она прикрыла им лицо и плотно вжалась спиной в стену пыточной избы. По плащу пробежала радужная волна, и вдруг он потемнел и стал неотличим цветом и фактурой от темных

бревен дома.

Три охоронца в полном вооружении, тихо переговариваясь, прошли мимо. Один из них скользнул по вжавшейся в стену Лесане взглядом, но не заметил ничего подозрительного.

Когда охоронцы ушли, Лесана отвела плащ от лица, по удивительной ткани вновь пробежала радужная волна, и она снова стала обычным сукном.

День подходил к концу, и дознаватель Крюк чувствовал себя сильно умаявшимся. С утра он успел «обработать» четырех полонцев, причем двое из них оказались просто нестигаемыми малыми. Руки Крюка распухли от ударов, несмотря на то что перед каждым дознанием он аккуратно перевязывал их мягкой тряпицей.

Кожаный фартук Крюка был забрызган кровью. Дознаватель чувствовал, что и борода его испачкана чужой кровянойкой, и от этого ему было слегка не по себе. Однако сил для того, чтобы встать и пройти к умывальнику, он не находил.

Сидя за столом, Крюк откинулся на спинку тяжелого дубового кресла и прикрыл глаза. Проклятая работа! С утра до вечера молоти кулаками да тверди одни и те же вопросы – по десять, а то и по сто раз кряду.

– Я для этого слишком стар, – хрипло пробормотал Крюк, поднял руки к лицу и потер пальцами усталые глаза.

И в этот миг тихий голос проговорил ему на ухо:

– Сиди, как сидишь, и останешься цел.

Крюк открыл глаза и увидел перед собой юное девичье лицо.

– Ты кто, милая?

– Кто я, тебя не касается. Я пришла сюда, чтобы задать тебе несколько вопросов. Как только ты ответишь на них, я

уйду.

Крюк усмехнулся. Кем бы ни была эта девка, но, придя в пыточную, она поступила крайне глупо. Поразмыслив немного, Крюк решил не спешить. Развлечений в его работе было мало, и поэтому он хотел сполна насладиться этим скоморошным спектаклем.

– Так говоришь, ты пришла, чтобы задать мне вопросы?

– Да.

– Гм... А что будет, коли я не стану на них отвечать?

– Ты сам знаешь.

– Будешь меня мучить?

– Буду.

Дознаватель усмехнулся.

– Я хорошо умею терпеть боль, милая. А ты – быстро устанешь. Твои руки слишком слабы, чтобы держать железные клещи. А кулаки твои слишком малы и нежны. – Облизнув губы и насмешливо посмотрев на девуку, Крюк заговорил снова: – У тебя странный выговор, милая. Откуда ты явилась?

– Из далекой страны, названия которой ты не знаешь, – отчеканила Лесана.

– Одежда твоя тоже выглядит странно. Ты недавно у нас? Лесана нахмурилась.

– Кажется, ты не понял, что я сказала. Спрашивать буду я. А ты будешь отвечать. Знаком ли тебе человек, которого все называют Первоходом?

– Ты говоришь про Глеба Первохода? – приподнял бровь дознаватель.

Лесана кивнула:

– Да.

– Когда-то я его знал. Но с той поры прошло так много времени, что я почти не помню его лица. – Крюк усмехнулся. – После моих дознаний лица у всех узников одинаковые. Синяки и ссадины уродуют их. Первые полчаса у них разные глаза, но через час или полтора и глаза становятся одинаковыми. В них нет ничего, кроме боли и мольбы.

– У Первохода были такие же глаза?

– Конечно. Хотя держался он долго. Гораздо дольше, чем остальные. Гиблое место сделало его сильным, но против моих молотков и клещей не устоит никто. Даже темная тварь.

– Ты сравниваешь Первохода с темной тварью? – удивилась Лесана.

Крюк усмехнулся.

– Только темная тварь может молча и бесстрастно смотреть на то, как ей вырывают ногти. Человек на это неспособен. Поверь мне – уж я-то знаю. Пока я прижигал его раскаленным железом, он не проронил ни звука. А когда я устал, он усмехнулся и сказал: «Ты хорошо знаешь свое дело, дознаватель. Но мне нечего тебе рассказать».

Крюк потянулся за кувшином с квасом. Лесана не стала ему препятствовать. Подождав, пока он хлебнет квасу и вытрет рукавом рот и бороду, она продолжила допрос:

– Я слышала, что у Первохода был огнестрельный посох. Где он сейчас?

Внезапно Крюку надоело отвечать, а в душе его стал подниматься гнев. Возможно, он слишком устал для глупых шутовских спектаклей. Будучи совершенно уверен в том, что сможет одним движением переломить наглой девчонке шею, он уж было поднял для этого руку, но под пристальным взглядом Лесаны тело Крюка обессилело, а руки налились такой тяжестью, будто их оплели железом.

«Что же это? – с испугом подумал дознаватель. – Что со мной происходит?»

Девка тем временем приблизила свое узкое лицо к его лицу, заглянула ему в глаза и сказала:

– Ты ведь знаешь про ольстру. Не упрямься и ответь мне.

Крюк вновь попытался поднять руки, но кисти его пронзила острая боль. «Колдунья!» – понял, наконец, дознаватель. Он застонал, с ненавистью посмотрел на девку и хрипло проговорил:

– Вижу, ты умеешь быть настойчивой. Ольстру Первохода охоронцы разбили о камни. Потом князь Добровол отдал ее кузнецу Вакару, чтобы тот склеил куски и заставил ольстру работать. Но у Вакара ничего не получилось. Да и не было больше в ольстре особой надобности. У князя есть отряд стрельцов, вооруженных мушкетами.

– Что такое мушкеты? – коротко спросила Лесана.

– Те же ольстры, только хуже. Стреляют не так часто и

не так далеко. Да и весом раза в два потяжелей.

Лесана задумчиво нахмурилась и что-то прикинула в уме.

– Ты сказал, что кузнеца зовут Вакаром?

– Да.

– Он человек?

Крюк сдвинул косматые брови:

– Что за вопрос? Ты издеваешься надо мной?

– У Первохода при себе было что-нибудь?

– О чем ты?

– Я говорю о чудных вещах, которые вы приносите из Гиблого места. Были такие вещи у Первохода?

Крюк нахмурился, припоминая, потом отрицательно покачал головой и ответил:

– Нет.

– С кем дружил Первоход? Кому доверял свои тайны?

– С кем дружил? – Крюк хмыкнул. – Да ни с кем. Хотя... был у него вроде один приятель. Здоровенный парень по прозвищу Хлопоня. Или Хлопота... Точно уж и не вспомню.

– Куда увезли Первохода после пыток?

– В Морию.

– Что это?

– Самое страшное место на земле. Я бы мог много порассказать тебе о нем, но не стану.

– Почему?

Крюк прищурил темные глаза, прислушался к чему-то и

вдруг иронично проговорил:

– Потому что нашему разговору пришел конец.

Лесана встревоженно вскинула голову и посмотрела на дверь. Из коридора доносились приглушенные голоса. Доктор Крюк облегченно вздохнул.

– Вот и все. Через пять минут мы с тобой поменяемся местами, милая. И поверь, я тоже умею задавать вопросы и получать на них ответы. Раскаленное железо тому порукой.

Лесана выхватила из-за пояса кинжал, и в этот момент дверь распахнулась, и в пыточную ввалились три охоронца. Завидев Лесану, они с лязгом вытянули из ножен мечи.

Лесана, выставив перед собой кинжал и глядя на охоронцев исподлобья, попятилась к стене. Дознаватель Крюк рассмеялся и весело взглянул на охоронцев, как бы призывая их посмеяться вместе, но те были серьезны и угрюмы. Бывалые воины, они по собственному опыту знали, что чем беспомощнее враг на вид, тем опаснее он может быть в бою. Змея тоже мала и лишена когтей, однако укус ее грозит смертью.

– Кто она? – спросил тот из охоронцев, который выглядел старше и чьи ножны были отделаны серебром.

– Просто девчонка, – хрипло ответил Крюк, осторожно разминая ожившие руки. С той секунды, как Лесана отвела от дознавателя взгляд, кровь вновь заструилась по его жилам и оцепенение стало проходить. – Но будьте с ней осторожнее. Похоже, она владеет каким-то колдовством.

Пожилой охоронец прищурил блекло-голубые, холодные и прозрачные, как замороженное стекло, глаза и сказал, обращаясь к Лесане:

– Ты не уйдешь от нас, милая. Убери кинжал, тогда мы не станем тебя сильно уродовать.

Лесана, ничего не отвечая и злобно сверкая на охоронцев

глазами, сунула левую руку в карман куртки. Это движение не укрылось от охоронцев, и они приподняли мечи выше, готовые отразить внезапную атаку. И тут Лесана заговорила:

– Зря вы сюда пришли, – произнесла она своим странным голосом, чуть коверкая слова. – Теперь мне придется причинить вам зло. Одион! Двойчан! Тройчан! Заклинаю вас болотным духом и песьими жабрами – оборотитесь свиньями!

Лесана швырнула охоронцам в лица горсть измельченной сухой травы. Охоронцы отшатнулись, опустили мечи и зашлись сухим кашлем, похожим на лай, но вот лай этот стал звучать все выше и противнее и наконец обернулся визгливым свиным хрюканьем.

Воспользовавшись замешательством, дознаватель Крюк вскочил на ноги и ринулся вон из пыточной. Опустившись на корточки, охоронцы бросились Лесане в ноги, надели на нее своими рылами и едва не повалили на пол. Расшвыряв пинками двух охоронцев и перепрыгнув через третьего, Лесана выбежала в коридор и огляделась по сторонам в поисках удравшего дознавателя.

Крюка в коридоре уже не было, зато из-за угла вывернули новые охоронцы.

– Вот она! – крикнул один, указав на нее обнаженным мечом.

Пару мгновений Лесана стояла на месте, пытаясь выбрать наилучший образ действий. Она не боялась принять бой, но на то, чтобы заставить охоронцев хрюкать, ушло слишком

много сил, восполнить которые Лесана еще не успела. Она повернулась и бросилась бежать.

– Держи ее! – раздался громкий крик.

– Держи ведьму!

Перед глазами у Лесаны промелькнула картинка из книги, виденная на Сходном мосту. Ведьма привязана к столбу, в ногах у нее пылает хворост, а пламя лижет бедра и лоснящийся от пота живот. Распушенные волосы ведьмы уже занялись огнем, и лицо ее, воздетое к небу, искажено лютой болью.

Воспоминание о картинке придало Лесане сил. Она быстро добежала до поворота, свернула за угол, а затем, не останавливаясь, подпрыгнула на стену и стала подниматься вверх по выпуклым кирпичам.

Сапоги преследователей грохотали совсем близко. Лесана быстро вскарабкалась на широкий подоконник.

– Вот она! – крикнули внизу охоронцы.

Кто-то метнул в нее копьё, и оно, просвистев у Лесаны над самым ухом, вылетело в окно. Лесана набрала полную грудь воздуха, будто собиралась нырять в воду, а потом резко выдохнула и прыгнула в окно.

Пролетев две сажени, отделяющие ее от земли, Лесана мягко, по-кошачьи, приземлилась на покрытый сухой травой пригорок, перекувыркнулась через голову и снова вскочила на ноги.

6

Милка успела отползти довольно далеко и отползла бы дальше, если бы ее не учуяли бродячие псы. Три здоровенных пса окружили молодку, отрезав ей путь к отступлению. Они стояли, ошестинив жесткие загривки и выжидая момент, чтобы наброситься на девку и перегрызть ей горло.

Услышав мягкую поступь Лесаны, псы оглянулись и угрожающе зарычали.

– Лесана! – слабым голосом окликнула Милка. – Лесана, помоги мне!

Один из псов прижал к голове уши и свирепо рявкнул на молодку.

– Лесана! – снова позвала Милка.

В руке приближающейся Лесаны блеснул кинжал.

Лесана нахмурилась и громко что-то проговорила на своем курлыкающем языке. Пес притих, поджал хвост, повернулся к Лесане облезлым боком и испуганно отпрыгнул в сторону. Второй громко зарычал, но тоже ретировался, а третий, самый рослый и крепкий, глянул Лесане в глаза и, угрожающе оскалив зубы, шагнул ей навстречу.

Он прыгнул на Лесану, но она не стала дожидаться, пока лапы зверя опрокинут ее на землю, а зубы вцепятся ей в шею – с воинственным криком бросилась псу навстречу, увернулась от лязгнувших клыков и с размаху вонзила в голое пе-

сье брюхо свой витой кинжал.

Пес высоко заскулил, а двое других повернулись и пустились наутек. Пнув подыхающего зверя, Лесана нагнулась и тщательно вытерла клинок об траву, затем вложила его в ножны и взглянула на Милку.

Та лежала под кривым тополем ни жива ни мертва от страха и смотрела на Лесану широко распахнутыми, покрасневшими от слез глазами.

– Отпусти меня, – жалобно попросила она. – Отпусти, прошу...

– Отпущу, – сказала Лесана, доставая что-то из кармана куртки. – Но сперва ты расскажешь мне, как добраться до... – Лесана запнулась. Хмуро взглянула на Милку и уточнила: – Как называются избы, в которых подают хмельной мед и перебродивший березовый сок?

– Эти избы зовутся кружечными, – слабым голосом ответила Милка.

– Есть ли среди кружечных изб лучшая, или все равны?

– Лучшим считается кружало, которое держит Озар.

Лесана присела рядом с Милкой, грубо и бесцеремонно раскрыла ей губы и сунула в рот ароматную сухую веточку.

– Жуй и глотай. Ты отведешь меня туда, поняла?

Милка послушно разжевала веточку и хрипло спросила:

– А коли отведам, отпустишь?

Лесана отрицательно покачала головой:

– Нет.

На глаза молодки навернулись слезы.

– Почему?

– Мне придется переночевать в вашем городе. Ты отведишь меня в свою избу и дашь мне кров и пищу.

– Но я живу не одна, – слабо возразила молодка.

– Вот как?

– Да. Со мною живет мама.

– Тогда скажешь ей, что я твоя товарка. А теперь пошевели ногами.

Милка пошевелила и тут же почувствовала в онемевших ступнях легкое покалывание. Пальцы ожили, и это заставило молодку радостно улыбнуться.

– Я их чувствую! – тихо воскликнула она. – Я снова чувствую свои ноги!

– Конечно, чувствуешь. – Лесана выпрямилась и протянула Милке руку. – Прости, что так поступила с тобой. Хватайся за руку и попробуй встать. Сперва будет больно, но после расходишься.

Милка ухватила левой рукой за теплую ладонь Лесаны, а правой схватила с земли камень. Лесана, не заметив этого, подняла молодку на ноги, и в это мгновение Милка что есть мочи ударила Лесану камнем по голове.

Шапка слетела с головы девки, кровь из рваной раны широкой волной побежала по распустившимся каштановым волосам. Секунду Лесана стояла, изумленно глядя на молодку, а потом рухнула в траву.

– Вот так! – хрипло выдохнула Милка и отшвырнула камень в сторону.

Придя в себя, Милка обшарила карманы Лесаны. К ее удивлению, карманы эти были в основном набиты сухой травой. И все же счастье улыбнулось Милке – во внутреннем кармане куртки она нашла небольшой кошель, а в нем – пару золотых, четыре серебряных и два десятка медных монеток.

Радости молодки не было границ. Таких деньжищ Милка не заработала бы и за полгода! Это стоило всех ее страданий и страхов.

– Великая мать Мокошь, благодарю тебя! – радостно воскликнула Милка.

Несколько секунд она задумчиво смотрела на скрючившуюся в траве Лесану, размышляя – стоит ли ее добить, или пускай подышает сама? Решила, что добивать не станет. Бродячие псы хорошо знают свое дело, и не стоит лишать их удовольствия перекусить дерзкой девке глотку и напиться свежей, горячей крови.

Порочный град, выстроенный много лет назад богатейшим купцом Бавой Прибытком, знавал разные времена. При Баве город процветал так, что слава о нем разнеслась далеко за пределы Хлынского княжества. А Бава был так богат и влиятелен, что даже князь опасался с ним связываться.

Потом Баву Прибытка убили. Кто убил, доподлинно неизвестно. Одни говорили, что это сделали темные твари, другие, что в мрачное царство Нави купцу помог переправиться Глеб Первоход. Единого мнения по этому поводу у народа не было.

Глеб Первоход в свое время был так же широко известен в княжестве, как Бава Прибыток. Все знали, что Первоход – лучший из ходоков в Гиблое место, и уважали его безмерно. И если князь побаивался Баву Прибытка, то сам Бава Прибыток – и на этот счет ни у кого не было сомнений – побаивался Глеба Первохода.

Да и куда бы девался Бава Прибыток без Первохода? Нужны новые оборотни для боев? Пожалуйста! Первоход расставляет в Гиблом месте силки и ловушки и уже через пару дней привозит в Порочный град парочку матерых острозубых тварей.

Нужны красивые волколачьи самки для мужских утех? И с этим нет проблем. Первоход снова отправляется в Гиблое

место и несколько дней спустя привозит Баве Прибытку новую смазливую самочку.

То же и с чудными вещами. Никто не нашел в Гиблом месте столько чудных вещей, сколько нашел их Глеб Первоход. Но жизнь – штука полосатая, и благоденствие не может длиться вечно. Пришло время и Баве Прибытку отправиться на посмертные луга, а на смену ему пришел Крысун Скоробогат. Тоже ничего себе был купец – оборотистый, ушлый, жестокий. Этот платил Глебу Первоходу за пойманных тварей не золотом, а серебром. Однако платил большой мерой, и у Глеба не было причин жаловаться.

Не сказать чтобы Глеб Первоход и Крысун Скоробогат были в восторге друг от друга, но общее коммерческое дело сплачивает людей крепче, чем дружба. И все бы хорошо, но попала Глебу Первоходу под хвост вожжа. Устроился он к княгине Наталье первым советником и насоветовал ей закрыть Порочный град.

Крысун Скоробогат, ясное дело, взбеленился и натравил на Первохода своих охоронцев. Зубаст был Крысун, но Первоход оказался еще зубастее.

Кончилось все совсем скверно. То ли от злобы, то ли еще от чего, превратился Крысун Скоробогат в темную тварь, и Первоход сделал с ним то, что делал с другими темными тварями. А уж о нелюбви Глеба к темным тварям знали все. А особенно – сами темные твари. Редко какая из тварей решалась встать у Первохода на пути. А из тех, что решились, не

выжила ни одна.

Глеб Первоход убил Крысуна Скоробогата. Но прочие купцы и бояре сплотились против Первохода единым фронтом и убрали его со своего пути.

И зажил Порочный град прежней жизнью, с той лишь разницей, что верховодить и заправлять тут всем стал не какой-нибудь купец, а сам князь Добровол.

Вот и в этот день в Порочном граде было шумно да весело. В игровых избах гости проигрывали последние гроши, в блажных – нюхали и ели бурую пыль, в распутных – миловались с молодками, а в главном кружале – тарасились на сражения тварей, ставя на них серебряные и медные деньги.

На этот раз на помосте бились не оборотень с волколаком и не упырь с упырем. Бились тут матерый оборотень и громадный русоволосый богатырь.

– Хлопуша, вали его! – кричали из зала.

– Убей тварюку, парень!

– Сверни гадине шею!

Русоволосый здоровяк сдавил оборотня в железных объятиях, но тот рывком выдернул голову и попытался вцепиться богатырю зубами в руку. Однако парень оказался быстрее – отдернул руку и ударил оборотня огромным кулаком промеж глаз.

Оборотень лязгнул зубами, и на миг глаза его помутились. Верзила тут же перевернул чудовище на брюхо, закинул ему за голову левую руку и сдавил шею, а правой ухватил тварь

за нижнюю челюсть и резко дернул его волосатую башку на себя. Раздался громкий хруст, и чудовище обмякло в лапах богатыря.

Хлопуша выхватил из ножен небольшой кинжал и добил оборотня двумя быстрыми, точными ударами в грудь. Затем оттолкнул тварь от себя и тяжело поднялся на ноги.

– Слава богатырю! – крикнули из зала.

– Слава!

– Слава!

– Слава!

Хлопуша помахал зрителям рукой, потом пригладил ладонью растрепавшиеся волосы и сошел с помоста. Пару минут спустя он уже стоял у стойки и, запрокинув голову,пил холодный квас.

Опустив кувшин и вытерев рот рукавом рубахи, богатырь взглянул на приказчика и пробасил:

– Сколько сегодня?

– Чуть меньше, чем на прошлой седмице, но тоже неплохо, – последовал ответ.

Приказчик отсчитал несколько серебряных монет и положил их на стойку перед верзилой.

– Что будешь делать с деньгами, здоровяк?

– Не твое дело, – проворчал верзила, сгребая монеты в карман.

Чернобородый приказчик примирительно улыбнулся:

– Не сердись. Я просто спросил. Когда тебя снова ждать

не помосте?

– Не скоро.

– Чего так?

– Надоели волколачьи морды. И от оборотней давно с души воротит. Да и на твою морду глядеть большого желания нету.

Приказчик засмеялся.

– Ну, смотри. К молодкам-то поднимешься? У нас три новые девки, я берег их для тебя.

Здоровяк на секунду задумался: посмотрел, задрав голову, наверх, где были распутные комнаты, потом перевел взгляд на бочки с пивом и вином.

– Сперва напьюся, – решил он. – А после и до молодок твоих очередь дойдет.

– Силен ты, брат! – снова засмеялся чернобородый приказчик. – Что ж, будь по-твоему. Охоронцы держат твой стол, можешь проходить и садиться. Чего тебе принести – вина или пива?

– Сперва вина. Да не скупись, выбери кувшин побольше. И про закуски не забудь. Что у тебя сегодня?

– Петухи с пряной зеленью и утки с огурцами. Еще есть куриные пупки на меду. Щи. Капуста с брусникой. Рыжики соленые рубленные, с лучком. Блины с капустой и с икрой. Вяленая рыба...

– Тащи петуха и куриных пупков, – распорядился верзила. – И капусты с брусникой положи. Да, и блинов дай – де-

сяток.

Приказчик повернулся к стоявшему тут же целовальнику.

– Все слышал, Кнут? Пошевеливайся, наш гость не любит ждать! – Он снова перевел взгляд на богатыря и с приветливой улыбкой сказал: – Ступай за стол, Хлопуша. Сейчас все будет.

Верзила кивнул и зашагал к своему столу. Там, впрочем, его уже ждал человек. Это был сухопарый, пожилой, жилистый мужичонка в дорогом, но сильно поношенном полукафтани. Завидев приближающегося здоровяка, он нахмурился и полез в сумку, которую держал на коленях.

Продвигаясь между столами, верзила кивал знакомым бражникам, а те провожали его хвалебными возгласами:

– Молодец, Хлопуша!

– Я в тебя верил, парень!

– Ты – лучший!

Наконец верзила добрался до своего стола.

– Видал, как я его? – пробасил он, усаживаясь за стол. –

И пяти минут не прошло.

– Да, драка была знатная, – одобрил сухопарый. Он выложил на стол две склянки и чистую длинную тряпицу. Затем осмотрел грузную фигуру богатыря внимательным взглядом. – Плохо выглядишь, Хлопуша. Он тебя достал?

– Оборотень-то? – здоровяк усмехнулся и небрежно проговорил: – Один раз, да и то вскользь.

– Покажь.

Хлопуша положил на стол руку и неторопливо засучил рукав. На внутренней стороне предплечья багровели три неглубоких рубца. Сухопарый осмотрел рубцы и хмуро проговорил:

– Крови почти нет. Это плохо.

– Не страшай, – небрежно осадил его Хлопуша. – Делай свое дело, а об остальном я позабочусь сам.

Сухопарый лекарь протер рубцы водой из склянки, а затем густо смазал их мазью и перетянул сверху чистой тряпичей. Верзила опустил рукав и убрал руку со стола.

Тут как раз подоспел и разносчик. Выставил на стол два оловянных кубка, большой кувшин с охлажденным красным вином и блюдо с жареным петухом, золотистая корочка которого выглядела так аппетитно, что у лекаря тут же потекли слюнки. Рядом разносчик поставил плошку с горячими блинами.

Богатырь Хлопуша взял кувшин и разлил вино по кубкам. Затем пододвинул к лекарю один из кубков, а второй взял сам. Отхлебнув вина, лекарь подождал, пока Хлопуша, в своей обычной манере, сделает несколько больших глотков, а затем спросил:

– Ты точно выпил настойку рысьего корня?

– Да, – отозвался здоровяк и брякнул полупустой кубок на стол.

– Это хорошо. Не нравятся мне твои рубцы, Хлопуша. Крови-то почти нет.

– И чего?

– У оборотней кровь из царапин не сочится.

Хлопуша прищурился.

– Хочешь сказать, что я обращаюсь? – подозрительно спросил он.

Лекарь мотнул головой.

– Нет, не думаю. Но тебя так часто кусают, что кровь твоя не успевает очиститься. В ней слишком много яду.

Богатырь оторвал от петушиной тушки ногу и принялся с аппетитом смаковать ее.

– За меня не переживай, – прошамкал он с набитым ртом и подмигнул лекарю. – Такого медведя, как я, никакая болячка не свалит.

– Может быть, и так, – нехотя согласился лекарь. – Но не забывай про настойку из рысьего корня. Хоть раз забудешь – тут же превратишься в темную тварь.

Хлопуша запил жареное мясо красным вином, вытер мокрые губы рукавом рубахи и благодушно улыбнулся.

– Невелика беда, – пробасил он. – Буду бегать по чащобе и ловить людишек. Поди плохо?

Лекарь нахмурился и покачал головой.

– Нельзя быть таким легкомысленным, Хлопуша. Завязывал бы ты с этими боями, а?

– Я бы завязал, да не могу. Уж больно хорошо за них платят.

– Ты ведь толковый охотник. И охоронцем был неплохим.

Надень кольчугу, возьми в руки булаву и зарабатывай, как другие богатыри.

Хлопуша усмехнулся.

– На большой дороге, что ли?

– Зачем же так? – нахмурился лекарь. – На княжьей службе. Такие бугаи, как ты, всегда нужны.

Верзила ухмыльнулся и качнул лохматой, русоволосой головой.

– Нет, брат. Пусть княжье поле распахивают кони, а медведю на шею ярмо не напялишь. Медведь – он житель лесной, он свободу любит.

И Хлопуша снова взялся за кувшин с вином.

После двух кувшинов вина Хлопуша слегка захмелел.

– Ты со мной не спорь, – выговаривал он притихшему и пугливо озирающемуся по сторонам лекарю. – Нешто это хорошо? Гофы торгуют, а мы воем. Купцы с иноземцами целуются да по рукам ударяют, а нашим оборотистым середнячкам деваться некуда. Вот и скажи мне, умник: куда катится Хлынское княжество?

Богатырь говорил негромко, и стол их стоял в стороне от прочих, однако лекарь не на шутку разволновался. Пригнув голову к столу и испуганно глядя на здоровяка, он прошептал:

– Хлопуша, не гневи богов.

– Богов? – Здоровяк дернул щекой. – При чем тут боги? Тут не боги, тут бояре. Радимичей с их земель согнали? Со-

гнали. Кривичей за непокорность выжгли вместе с домами, бабами и детьми? Выжгли. И какого лешего Первоход выдумал эти пушки да ядра? Знамо дело, теперь князь Добровол...

При упоминании княжьего имени лекарь вздрогнул, быстро схватил с плоски блин и сунул его Хлопуше в рот.

– Жуй да не болтай! – громким шепотом велел он.

– Да уж, – прочавкал, перемальвая блин, Хлопуша. – Одно только удовольствие у честного человека и осталось – набить себе брюхо. А что до нашего князя, то он...

Лекарь подхватил с плоски последний блин и впихнул его в рот здоровяку.

– Прошу тебя, Хлопуша: не поминай сего имени вслух, – взмолился лекарь. – У меня ведь дома малые детки. Договоришься до того, что останутся мои деточки сиротами.

Проходивший мимо стола пьяный бражник в богатом кафтане, такой же здоровый и широкоплечий, как Хлопуша, остановился и угрюмо уставился на Хлопушу.

– Чего сказал про князя Добровола? – грубо спросил он.

– Ступай мимо, – даже не посмотрев в его сторону, обронил Хлопуша.

Богатырь в богатом кафтане опустил кулаки на столешницу и пригнул голову. Мохнатые брови бугая съехались к переносице.

– Повтори, что сказал про князя! – потребовал он, свирепо вращая глазами.

Хлопуша небрежно глянул на бугая, затем поднял руку и резко ударил его кулаком по голове. Бугай пару секунд стоял, тупо глядя на Хлопушу, потом глаза его закатились под веки, и он тяжело рухнул на пол.

Несколько охоронцев подбежали к распростертому на полу верзиле, взяли его за руки и за ноги и отнесли прочь. А Хлопуша, как ни в чем не бывало, пододвинул к себе блюдо с куриными пупками и продолжил трапезу.

На улице стемнело. По городу кружил злой осенний ветер, по-волчьи завывая в трубах темных изб. Изредка в отдалении мычала корова или начинали лениво лаять псы. Легкий морозящий дождь шуршал в сухой листве, бойко сеял в колдобинах. Сквозь сумрак то там, то тут пробивался легкий, едва заметный отблеск костерка, а возле них стояли мужики и, грызя орешки, обсуждали дневные дела.

В то время как Хлопуша жевал куриные пупки, на постоялый двор Дулея Кривого пришел странный отрок. Одет он был, как охотник, а на боку у него висели ножны с кинжалом, однако лицо парня было совсем юное и безусое.

На голове отрока была шерстяная шапочка, натянутая до самых глаз. Ворот его охотничьей куртки был испачкан пятнышками крови, а сам юноша был бледен и выглядел сильно изможденным и почти больным.

– Кто тут у вас главный? – спросил он у суеющегося во дворе холопа.

– Известно кто – Дулей Кривой, – ответил тот. – Это его двор.

– Он сдает комнаты?

– Знамо дело, сдает.

– Где мне его найти?

– Войди в эту дверь да сверни направо. А там иди, пока не

уткнешься носом в створы. За ними и сидит Дулей Кривой.

Парень поблагодарил и зашагал к двери, на которую указал холоп. Походка у парня была сбивчивая, будто у пьяного. Холоп посмотрел парню вслед прищуренным взглядом, хмыкнул и осуждающе покачал головой.

Парень тем временем вошел в дверь, свернул направо и дошел до створ. Остановившись, он поднял руку и негромко постучал в дверь.

– Чего надо? – отозвался из-за двери хриплый голос.

– Хочу взять комнату на ночь, – сказал парень. – Сдашь?

Прошло несколько секунд, потом послышалась чья-то тяжелая поступь. Лязгнул замок, и дверь открылась. Парень увидел перед собой кряжистого, пузатого мужика с кривым глазом, одетого в грязную рубаху. От мужика разило брагой и чесноком. Окинув фигурку юноши подозрительным взглядом, Дулей Кривой потеснился и сказал:

– Ну, проходи.

Парень вошел в комнату и огляделся.

– Кто такой? – грубовато спросил его Дулей. – Откудава прибыл? Рассказывай про себя.

– А тебе зачем? – удивленно и недовольно спросил юноша.

Дулей ухмыльнулся жирными губами:

– Надо. А ну как ты мне дом спалишь?

– А коли будешь знать мое имя, так думаешь не спалю?

Дулей нахмурился.

– Больно умный, да? Вот послушай-ка забавку. Встрети-

лись как-то на торжке два мужика. Один другому молвит: «Вот у меня выросло яблоко – положил на лавку – сломалась лавка, такое большое!» А второй ему: «Это что. Я свое яблоко положил на стол – развалился стол!» А первый: «А у меня выросло яблоко, так я его положил на телегу...» – «И чего, – спрашивает второй. – Сломалась телега?» – «Да нет. Но вылез червяк и сожрал лошадь».

– И к чему это ты? – не понял парень.

– К тому, что сей постоялый двор – мое яблоко. И коли захочу, сожру тебя с потрохами. Так что говори – кто ты и откуда, или убирайся к лешему.

Юноша сдвинул брови и яростно блеснул глазами, однако от резкого слова воздержался и покорно проговорил:

– Меня зовут Лесан. Прибыл я сюда из северного Приморья. На княжью службу.

– На кня-яжью? – протянул Дулей, с насмешливым любопытством разглядывая паренька. – Это на какую же?

Несколько мгновений парень в упор глядел на Дулея, причем лицо его при этом делалось все бледнее, а глаза – все темнее. И вдруг резко вскинул руку и схватил хозяина постоянного двора костяшками пальцев за нос.

Дулей вскрикнул и хотел вырваться, но не тут-то было. Пальцы паренька, даром что по-мальчишески тонкие, держали крепко.

Из глаз Дулея брызнули слезы.

– Что ж ты делаешь, щенок... – простонал он, багровея от

боли. – За что?

– За то, что задаешь слишком много вопросов, – отчеканил парень. – А теперь – повторяй за мной. Я не стану совать нос в чужое дело.

– Не стану... в дело... – обливаясь слезами, пробормотал Дулей.

– Клянусь Сварогом.

– Сварогом... клянусь... Клянусь!

– Молодец.

Парень разжал пальцы. Дулей дернулся назад, пропятился несколько шажков, споткнулся и рухнул на упитанную задницу. Юноша шагнул к нему и присел на корточки.

– Служба у меня тайная, – тихо сказал он, глядя Дулею в глаза своими серыми, холодными глазищами. – Ежели кому про меня расскажешь – придет тебе конец. Не порешу я – порешат княжьи охоронцы. Потому как я – ихний человек. Все ли понял?

На Дулее не было лица.

– Д-да... – промямлил он, пропотев от страха. Потом кивнул и горячо добавил: – Я все понял, добрый господин! Твоя служба тайная, и я буду держать рот на замке. Прости, что не услужил тебе сразу, княжий человек.

Парень выпрямился и потребовал:

– Дай мне чего-нибудь поесть.

Хозяин постоянного двора поднялся на ноги и двинулся к шторке, огораживающей закут. Там он долго возился, а по-

том вернулся к юноше, держа в одной руке липовый жбанчик с перебродившим березовым соком, в котором плавало овсяное зерно, а в другой – творог с толченой коноплей и ржаным хлебом.

– Откушай, чем Сварог послал, – дружелюбно и заискивающе проговорил он, выставив на стол кушанье и выпивку.

Юноша уселся на лавку и стал молча есть. Ел он довольно долго, с чувством, с толком, с расстановкой. Все это время Дулей Кривой стоял рядом с угодливым, приветливым лицом, однако в душе у хозяина постоялого двора бушевала буря.

«Дожили, – думал он с тоскливой злобой. – Объявляется этакий вот безусый юнец и говорит, что он на княжьей службе. Может, и врет, да как проверишь? В последнее время каждый второй в городе – соглядатай. Дурные времена... Ох, дурные».

Поев творога и попив березовицы, парень отодвинулся от стола, вытер рот рукавом куртки и небрежно спросил:

– Где тут у вас самая хорошая кружечная изба?

– Кружал у нас много, – ответил Дулей. – Но коли хочешь лучшее, ступай в «Три бурундука».

– «Три бурундука»? Это там верховодит Озар-целовальник?

– Верно, – кивнул Дулей и отхлебнул браги. – У него и пиво наваристей, и водка крепче. А уж коли жареный гусь, то размером с поросенка.

– Объяснишь мне, как туда дойти?

– Само собой. А тебе зачем?

Парень метнул на Дулея яростный взгляд, и тот поспешно отвел глаза.

– Прости, коли влез не в свое.

Юноша немного помолчал, а затем сказал:

– Мне нужен один человек. Когда-то он дружил с Глебом Первоходом.

Брови Дулея удивленно взлетели к плешивому лбу.

– Эвона как. У Первохода было мало друзей. Кто ж это такой? Скажи, может, я знаю и пособлю его найти.

– Я знаю лишь, что его зовут Хлопоня.

– Хлопоня? – Дулей отрицательно качнул головой. – Нет, не знаю. Погоди-ка... Уж не про Хлопушу ли ты говоришь?

– Может быть.

– Ежели тебе нужен Хлопуша, то в «Трех бурундуках» ты его не найдешь. Искать его нужно не здесь.

– А где же?

– Слышал я, что Хлопуша нынче днюет и ночует в Порочном граде.

– Порочный град? – Юноша нахмурился. – Я об нем слышал. Не там ли купцы пропивают и проигрывают исподнее, а волколаки дерутся с упырями на большом помосте?

– Там, – кивнул Дулей. – Это то самое место.

– Что ж там делает Хлопуша?

Дулей прищурил кривой глаз и хмыкнул:

– Да разное. Такому удальцу, как наш Хлопуша, всегда найдется дело.

Юноша несколько секунд сидел молча, обдумывая слова Дулея Кривого, затем сказал:

– Мне нужно попасть в Порочный град. И побыстрее. Как это удобней сделать?

– Это смотря на чем поедешь, – ответил хозяин постоялого двора. – Ежели возьмешь телегу, то и за три часа не доберешься. А коли разыщешь резвого, сытого коня да срежешь путь по лесной тропке, то через полтора часа будешь там.

– У тебя есть такой конь? – сухо осведомился парень.

Дулей, поняв, что совершил ошибку, побагровел от волнения и замекал:

– М-м... Э-э...

– Снаряди его для меня, – приказал парень. – И расскажи, как сыскать тропку.

– На дворе темно, – робко и неуверенно проговорил Дулей. – А по лесу шарят темные твари.

– Ничего. С тварями я как-нибудь справлюсь. Ты, главное, снаряди коня да разъясни дорогу.

Дулей помолчал, раздумывая, как бы повежливее отговорить гостя, потом сказал:

– Коня снарядить – полдела. Но умеешь ли ты ездить верхом? Лошадки у меня норовистые, смирной ни одной нету.

– Об этом не беспокойся, – сухо ответил юноша. – Главное – снаряди.

Дулей, в черствой душе которого все еще клокотала обида, не удержался от подлости. Снарядил для молокососа самого норовистого коня, такого, на каком и сам боялся ездить. Ездить боялся, а продать не мог. Хорош был конь – статен, крепконог, быстр, как ветер, но из-за противного нраву никто не хотел с ним связываться. Даже за полцены не брали.

Когда подводил юнца к снаряженному коню, покосился на его хмурое лицо и едва удержался от усмешки.

– Ну, вот твой конь, Лесан. Конь хороший. Ты скажешь, что княжьим скакунам не чета, а все ж, на мой взгляд, ничуть не хуже. Ты только посмотри на него!

Юноша посмотрел, пожал плечами и небрежно проговорил:

– Да. Кажется, конь хороший.

– Не только конь, но и снаряженье! – улыбнулся Дулей. – Взгляни на попону и на седло. На таком седле и десятнику ездить не стыдно!

Юноша ничего на это не сказал. Он остановился перед конем и с некоторой опаской заглянул ему в глаза. Конь захрапел и загарцевал на месте, выдавая норов.

Дулей снова незаметно усмехнулся. «Ну, сейчас пойдет веселье», – подумал он. А вслух сказал:

– Что ж, коли готов, так не жди. Чем раньше поедешь, тем

раньше вернешься.

– Да. Ты прав.

Юноша сунул ногу в стремя, взмыл вверх и ловко запрыгнул на спину коня. Конь забрыкал, пытаясь сбросить юного седока, но тот пригнулся и что-то закурлыкал на ухо коню на незнакомом языке. И чем больше он курлыкал, тем смиреннее становился конь. И вот уже конь не прыгает, не брыкает и не дергается, а стоит на месте смиренно, едва перебирая крепкими ногами и косясь на своего седока лиловым глазом.

«Чудеса да и только!» – ахнул Дулей.

А парень тем временем сунул руку в карман и что-то достал в ладони. Затем протянул ладонь и прижал ее к широкому конским ноздрям. По лоснящейся шкуре коня пробежала дрожь.

– Но, пошел! – крикнул парень и легонько ударил коня пятками в бока.

И конь подчинился. Понес седока важно и бережно, будто всю жизнь смиренно ходил под седлом. Легко перепорхнул через невысокую изгородь и поскакал по дороге, набирая скорость и унося своего седока все дальше от постоянного двора. А Дулею только и осталось, что стоять посреди двора с открытым от изумления ртом и смотреть ему вслед.

Съедено было много. Жареный петух, десятка два блинов, куриные пупки, капуста с брусникой – от всего этого осталась лишь гора объедков. А выпито было еще больше. Когда Хлопуша наконец насытился и отвалился от стола, живот его выпирал так сильно, что богатырю пришлось ослабить перевязь на штанах.

– Силен же ты, Хлопуша, есть, – с уважением проговорил лекарь, который за эти два с небольшим часа съел всего лишь несколько блинов и выпил пару кубков красного вина. – В следующий раз нужно устроить иное сражение. Поставить перед тобой и перед голодным волколаком по огромному тазу с едой и поглядеть, кто из вас быстрее все это умнет.

Тут дверь кружала, обитая толстым слоем рогожи, открылась и впустила нового гостя. Это был невысокий, худощавый юноша с нежным, почти детским лицом. Огромные серые глаза быстро оглядели зал и остановились на Хлопуше.

Юноша устремился мимо стойки к столам.

– Эй, парень! – окликнул гостя целовальник.

Юноша остановился и, повернув голову, вопросительно взглянул на целовальника.

– Пустых столов нет, – сказал тот. – Но ты можешь посидеть на лавке у стойки и подождать. Чего тебе налить?

– Я не хочу пить, – сказал юноша, отвернулся и зашагал

дальше.

Целовальник нахмурился и хотел осадить наглого юнца, но вдруг передумал. Пожав плечами, он взял в руки тряпку и провел ею по стойке с таким видом, словно говорил: «Да пошло оно все к лешему! Что мне, больше всех надо?»

Юноша тем временем дошел до стола, за которым сидели Хлопуша и лекарь. Усевшись самочинно на лавку, он окинул Хлопушу быстрым, внимательным взглядом, как гробовщик, прикидывающий по фигуре клиента размеры будущего изделия.

Хлопуша вскинул брови и, в свою очередь, тоже осмотрел юношу, однако во взгляде его было больше удивления, чем интереса.

– Ну? – спросил он. – И чего тебе надо, выюн?

– Ты Хлопуша? – выпалил вместо ответа парень.

Богатырь и лекарь переглянулись.

– Ну, допустим, – с кривой усмешкой отозвался Хлопуша. – А ты кто такой?

– Меня зовут Лесан, – представился парень. – Я прибыл сюда из северного Поморья.

Хлопуша прищурил голубые глаза и с подозрением произнес:

– Выговор твой мало похож на поморский. Что тебе от меня нужно, парень?

Юноша стрельнул взглядом в сторону лекаря и сухо проговорил:

– То, что я хочу сказать, касается только тебя, Хлопуша. Пусть твой приятель уйдет.

Лицо здоровяка вытянулось от удивления.

– Ты слышал? – с усмешкой спросил он, обращаясь к лекарю. – Этот мальчишка хочет, чтобы ты ушел. Забавный наглец, верно?

Лекарь, однако, не улыбнулся.

– Я думаю, этот мальчик и впрямь хочет сообщить тебе что-то важное, – сказал он. – И я не стану вам мешать.

Лекарь поднялся с лавки, но перед тем, как покинуть их, наклонился к уху здоровяка и быстро прошептал:

– Будь с этим мальчиком осторожнее. Уж слишком отчаянный у него вид.

Дождавшись, пока лекарь отойдет к стойке, Хлопуша в упор посмотрел на парня и сурово проронил:

– Ну?

Юноша сдвинул брови, чуть-чуть подался вперед и тихо проговорил:

– Я искал тебя, потому что ты – друг Глеба Первохода. Прежде чем я снова заговорю, ответь: не ошибся ли я на твой счет?

Хлопуша прищурил глаза, долго смотрел на парня, а затем небрежно заявил:

– Ты не ошибся. Первоход был моим другом.

Юноша удовлетворенно кивнул и сказал:

– Если это так, то ты – тот, кто мне нужен. Слышал я, что

Первоход поссорился с князем Доброволом и тот выслал его из княжества. И что страшнее того места, где теперь обитает Первоход, в мире не сыщешь. Так ли это?

По лицу здоровяка пробежала тень, но он ничего не сказал.

– Я также знаю, что место это называется Мория, – продолжил парень, спокойно глядя на Хлопушу. – И что о нем рассказывают много страшных вещей.

Хлопуша с хрустом сжал в пятерне оловянный кубок, превратив его в лепешку.

– Клянусь пятою лешего, если ты тотчас же не выложишь мне, что тебе нужно, я...

– Не сердись на меня, – прервал Лесан его рычание. – Я не хочу с тобой ссориться, богатырь. Расскажи мне про Первохода и про страшное место, в котором его держат. Я хочу знать то же, что знаешь ты.

Лицо Хлопуши, однако, осталось холодным и неприязненным.

– Ты, видно, дурак, если думаешь, что я стану перед тобой распинаться, – сердито произнес он. – Откуда ты вообще такой взялся?

– Я уже сказал тебе, что прибыл из...

К столу нетрезвой походкой подошел пожилой купчик с растрепанной, перепачканной медом бородой.

– Хлопуша, – сипло проговорил он, глядя на верзилу приятельским взглядом, – я поставил на тебя десять монет, как

ты и велел. Это – твоя доля.

С этими словами купчик высыпал на стол несколько медных монет и пару серебряных резанок. Хлопуша сгреб деньги и, не считая, сунул их в карман.

– Когда снова выйдешь на помост? – поинтересовался купчик.

– Когда проем все деньги, которые выручил сегодня, – последовал ответ.

– Ну, тогда проедай их скорее. Без тебя здесь скучно. Ты – единственный человек, который не боится выйти на помост и задать оборотням жару.

Хлопнув здоровяка ладонью по плечу, купчик повернулся и нетвердой походкой побрел прочь.

Юноша пристально посмотрел на Хлопушу.

– Значит, ты дерешься с темными тварями за деньги? – спросил он.

Богатырь глянул на паренька холодным взглядом и небрежно обронил:

– А тебе-то что за дело?

Юноша посмотрел на огромные пятерни Хлопуши, перевел взгляд на его широченные плечи, затем сказал:

– Твои руки мощнее медвежьих лап. А твоя шея толщиной напоминает бычью. Есть ли в Хлынском княжестве человек сильнее тебя?

Хлопуша слегка порозовел от приятных слов и, хмыкнув, проговорил:

– Не знаю, зачем ты спрашиваешь, парень, но во всем княжестве не найти человека, который одолел бы меня в драке.

– Значит, тебе нет равного?

Хлопуша кивнул:

– Нет.

– Позволю себе усомниться в твоих словах, – сильно повысив голос, заявил юноша.

Голос его прозвенел столь звонко, что бражники, сидевшие за ближайшими столами, вскинули головы и удивленно на него уставились. Хлопуша, предвидя какую-то хитрость, нахмурился.

– Что ты хочешь сказать, щенок? – недовольно спросил он.

– Ты способен одолеть в бою оборотня и волколака. Это отрадно. Сделаешь то же со мной – отдам тебе это!

Юноша положил на стол большой яхонтовый камушек и воззрился на Хлопушу.

– Ты хочешь со мной драться? – не поверил своим ушам богатырь.

Парень кивнул.

– Да! И ежели я тебя одолею, ты поможешь мне найти Глеба Первохода. Как тебе такой уговор?

Хлопуша ощерил в усмешке крупные, крепкие зубы.

– Я могу перешибить тебе хребет одним пальцем, – сказал он.

– Попробуй!

Хлопуша не собирался драться с тощим отроком, однако тут он заметил, что бражники за соседними столами смотрят на них. Парень говорил так громко, что они слышали его слова и теперь с любопытством ожидали развязки спора.

Хлопуша вновь перевел взгляд на парня.

– Я не хочу с тобою драться, малыш. Чести мне это не принесет, славы – тоже. А коли я невзначай зашибу тебя, люди объявят меня лютым зверем.

– Значит, ты боишься со мной биться? – юноша усмехнулся. – Вот уж не думал, что такие большие парни бывают такими трусами.

Хлопуша побагровел.

– Ты назвал меня...

– Что, Хлопуша! – крикнул кто-то из бражников. – Боязно биться с мальчишкой?

– Боишься, что он захлопает тебя ладошками?

Бражники загоготали. Хлопуша побагровел еще сильнее. Теперь уж во взгляде, которым он смотрел на парня, не было ни насмешки, ни жалости.

– Ладно! – прорычал здоровяк. – Идем на помост, птенец! Крепко бить я тебя не стану, но вежливости научу!

Зал наполнился гулом и рокотом голосов. Бражники делали ставки, но не на победу юноши, а на то, сколько мгновений или минут он устоит на ногах. Все сходились на том, что юноша строен и ловок и что, прежде чем Хлопуша выбросит его с помоста, дерзкий юнец вполне успеет покружить да попрыгать вокруг него секунд десять. А ежели повезет, то и все двадцать.

Когда ставки были сделаны, оба бойца взошли на деревянный помост. Страшен был сей помост, доски его были темны, но не от времени, а от впитавшейся в него крови. А уж пахло от этих досок так, что даже самые непритязательные бражники морщили носы. Это был запах самой смерти, и замыть его не было никакой возможности.

Встав друг против друга, драчуны замерли в ожидании сигнала. Смотрелись они рядом довольно комично. Один – огромный, широкоплечий, мощный, как лось. Второй – на две головы ниже, весь гибкий, ломкий, с лицом отрочески нежным и с глазами огромными, словно у девки.

Перед самым сигналом юноша натянул свою шерстяную шапочку на самые брови и встал в боевую стойку, сжав руки в кулаки и выставив их перед собой.

– Начали! – крикнул от своего стола приказчик и ударил в бубен.

Противники ринулись друг на друга. Богатырь хотел схватить юнца за кушак и швырнуть спиной на помост, как не раз делал с упырями, но парень ловко увернулся от его растопыренных лап, забежал здоровяку за спину и несколько раз ударил его кулаками по пояснице.

Хлопуша резко развернулся и снова попытался схватить юнца, но тот вновь увернулся, а уворачиваясь, сумел перехватить руку богатыря и резко дернуть ее вперед. И вдруг случилось чудо: Хлопуша, огромный, тяжелый, мощный, как медведь, перекувыркнулся через голову и грохнулся спиной о доски помоста.

По залу пронесся вздох, сменившийся недоуменным ропотом. Тем временем юноша отскочил в сторону и снова встал в стойку, очевидно, не желая бить лежачего и давая Хлопуше время подняться на ноги.

Богатырь вскочил и тут же снова бросился в атаку. На этот раз он рассвирепел по-настоящему. Он уже не пытался схватить противника руками, а просто ударил его кулаком в голову, намереваясь выбить из дерзкого юнца дух. Однако огромный кулак Хлопуши провалился в пустоту, а юноша вновь оказался у него за спиной.

Богатырь развернулся, взревел, как зверь, и снова понесся на юношу с кулаками, но ловкий юнец быстро шагнул в сторону и подставил здоровяку ногу. Хлопуша споткнулся об выставленную ногу и рухнул на помост животом, больно стукнувшись об деревянный настил подбородком.

Юнец же не отошел, как сделал это в прошлый раз, а прыгнул Хлопуше на хребет, схватил правую руку богатыря и заломил ее Хлопуше за спину. Хлопуша застонал, по его покрасневшему лбу градом побежал пот.

Парень склонился над Хлопушей и тихо произнес:

– Сдавайся, – и надавил на заломленную руку чуть сильнее.

Богатырь поморщился от боли и, повернув голову, глянул на паренька налитым кровью глазом.

– Не позорь меня, отрок... – хрипло проговорил он. – Прощу... Я сделаю, как ты скажешь.

– Поклянись! – потребовал юноша.

– Клянусь Хорсом и Семарглом, – прохрипел Хлопуша.

– Хорошо.

И парень ослабил хватку. Хлопуша тут же вырвал руку и вскочил на ноги, а юноша опрокинулся на помост. Встать он не успел – Хлопуша нагнулся, сгреб его за пояс и шею и, резко выпрямившись, поднял над головой.

По залу прокатился рокот восторга.

– Прибей его, Хлопуша! – крикнул кто-то.

– Раздави клопа! – поддержал второй.

– Сломай его спину! – завопил третий.

Хлопуша несколько мгновений держал парня над головой, а потом со зверской усмешкой швырнул его на большую кучу опилок, которыми присыпали после сражений окровавленные доски.

Парень рухнул на кучу, попробовал встать, но силы покинули его, лицо снова ткнулось в опилки, и он затих.

Двое охоронцев подошли к юноше, схватили его за плечи и рывком подняли на ноги.

– Ну что, парень, против силы-то не попрешь, верно? – насмешливо спросил один.

А второй прибавил:

– Плеть ловка, но дуб не перешибет. Не на того ты дернулся, щенок.

Охоронец хотел дать парню подзатыльник, но Хлопуша перехватил его руку.

– А ну – не трожь! – взревел он. – Этот отрок отныне – мой друг! Он не побоялся выступить против меня, и честь и хвала ему за это!

– Честь и хвала отроку! – подхватили несколько голосов.

Хлопуша засмеялся, обнял парня лапищей за плечи и повел его к своему столу.

– Я твой должник, – шепнул он юноше на ухо. – Идем за мой стол.

Тот усмехнулся окровавленными губами и коротко кивнул.

– Прости, я забыл, как тебя зовут.

– Лесан.

– Лесан, хочешь чего-нибудь поесть?

Юноша отрицательно покачал головой.

– Нет. Я уже поел на постоялом дворе.

Хлопуша приподнял бровь.

– Так ты остановился на постоялом дворе?

– Да. У Дулея Кривого.

Богатырь усмехнулся.

– Дулей – мужик ушлый и жадный. Небось, ободрал тебя как липку?

Парень отрицательно мотнул головой:

– Не думаю.

Хлопуша прищурился.

– Ну да, – насмешливо произнес он. – Должно быть, ты и ему закрутил руку за спину. Где ты научился так хорошо драться, Лесан?

– Там, откуда я пришел, – уклончиво ответил юноша.

– В твоей стране все юноши умеют это?

– Не думаю, – снова сказал Лесан.

Хлопуша подал знак разносчику, тот кивнул, и не прошло и минуты – как на столе появился кувшин с вином и два чистых кубка.

– Не хочешь есть, так хотя бы выпей со мной, – предложил Хлопуша.

Однако парень нахмурился и твердо заявил:

– Я не пью хмельного.

– Что ж, дело твое. А я выпью.

Хлопуша доверху наполнил свой кубок вином и поднес его ко рту. Юноша терпеливо подождал, пока тот отопьет несколько глотков, потом сказал:

– Ты поклялся помочь мне, помнишь?

– Конечно. – Хлопуша вытер губы рукавом рубахи и добродушно поглядел на паренька. Будучи добрым и незлобивым человеком, здоровяк уже позабыл про то, что парень едва его не унизил, зато хорошо помнил, как ловко тот дрался, и уважал в малыше сильного и храброго противника. – Так что тебе нужно, Лесан?

– Кажется, я уже сказал тебе, что ищу Глеба Первохода. Он необходим мне, и я не успокоюсь, пока его не найду.

– Гм... – Хлопуша нахмурился. – Не в добрый час ты взялся его разыскивать. Первохода давно тут нет.

– Знаю. Первохода схватили люди князя Добровола и отвезли в Морию. Но что такое эта Мория? И как мне туда добраться?

Хлопуша помолчал, хмурия брови, а затем негромко проговорил:

– Про Морию говорят мало. Известно лишь, что это самое жуткое место на земле. Столь жуткое, что и представить

нельзя. Поговаривают, в месте том полно чудовищ, похожих на крыс, и они каждый день грызут узнику печень, а ввечеру раны ему поливают мертвой водою, и они затягиваются. А с утра крысы начинают все сызнова.

– Ты знаешь, где это? – спросил парень.

Хлопуша вздохнул и покачал головой.

– Нет. Но я знаю того, кто знает.

– Отлично! Отведи меня к этому человеку, и ты мне больше ничего не должен!

Здоровяк отхлебнул вина, мрачно посмотрел на юношу и пробасил:

– Ты сказал, что хочешь найти Первохода. Но не сказал, зачем он тебе.

– А ты поклялся помочь мне – помнишь?

– Я все помню. Но Первоход – мой друг. Что, если ты ищешь его, чтобы убить? С тех пор как на трон сел Добровол, княжество кишит наемными убийцами.

Серые глаза паренька сверкнули.

– Я не убийца, – быстро проговорил он. – А Первохода я ищу, потому что... Потому что он нужен мне для дела.

– Для какого дела?

Парень молчал, опустив голову и хмуро поглядывая на Хлопушу исподлобья.

– Ну же, – подначил его здоровяк. – Если ты все мне расскажешь, от этого никому не будет плохо.

Юноша задумчиво подвигал тонкими, как стрелки, бро-

вями, потом разомкнул губы и тихо произнес:

– Он может нас спасти.

– Спасти?

Парень кивнул:

– Да. Меня и мое племя.

– От кого?

Еще пару мгновений юноша молчал, словно набирался решимости, а затем выдохнул:

– От гончих смерти.

12

– Кто там? – отозвался из-за двери глуховатый голос.

– Это я, Хлопуша! – крикнул в ответ здоровяк. – Отвори дверь, Дягиль!

Последовала недолгая пауза, после которой голос из-за двери спросил:

– Зачем пришел?

– Есть разговор! Открой, чтобы я не кричал через дверь!

Лязгнул засов, и тяжелая дверь открылась. На пороге стоял высокий худощавый мужчина, одетый в изъеденный молю шерстяной подстёг, какие обычно носили под кольчугой ратники.

Выглядел мужчина жутковато. Все его лицо, безбородое и безбровое, было покрыто шрамами от ожогов, а вместо глаз на пришедших смотрели две багровые дыры.

Слепец приподнял лицо, осторожно понюхал воздух, а затем сказал:

– Кого это ты привел ко мне, здоровяк? Я чую запах юности.

– Ты прав, – отозвался Хлопуша. – Я привел с собой юношу, и этот юноша – мой друг. Его зовут Лесан.

– Вот как? – Слепец усмехнулся узкими, сожженными губами. – Надеюсь, ты не ошибся на его счет, потому что я чую и другой запах. И это запах смерти.

Хлопуша криво ухмыльнулся и пробасил:

– Может быть, тыпустишь нас, и мы обсудим это за столом?

Некоторое время слепец стоял молча, будто не знал, на что решиться, а потом шагнул в сторону и выдохнул:

– Входите.

Хлопуша пропустил юношу вперед, а затем вошел и сам. Слепец закрыл за ними дверь и опустил засов на скобы.

– Дягиль ослеп год назад, – тихо сказал Лесану богатырь. – Ему в лицо плеснули земляной кровью, а потом ткнули факелом.

– Кто?

– Беглые узники. Дягиль был охоронцем на службе у князя. Он сторожил клетки с полонцами, а когда кто-нибудь из них принимался шалить или кричать, входил в клетку и наказывал буйного полонца плетью и палками. Все узники ненавидели его и мечтали ему отомстить. У двоих это получилось.

– Ты дружишь с княжьим охоронцем? – удивился парень.

– Он неплохой человек, – добродушно ответил Хлопуша. – Просто ему не повезло.

– Не оправдывай меня перед этим юнцом, – сипло заговорил Дягиль у Хлопуши за спиной. – Каждый из нас сам выбирает свою судьбу, и я получил по заслугам. Проходите к столу. Из ествы у меня есть только краюха черного хлеба и две чесночные головки, так что не обессудьте.

– Мы не голодны, – пробасил Хлопуша. – Но холодной водицы я бы попил с удовольствием.

Дягиль проводил гостей в горницу и усадил за стол, а сам пошел за водой. Обстановка в доме была бедная, если не сказать – убогая. Стол, две лавки да кривоногая скамья – вот и вся мебель. Возле печи неровной грудой лежали дрова, однако сама печь не топилась.

– Я слышал, что князь платит своим охоронцам хорошую пенсию, – тихо сказал парень. – Почему Дягиль так бедно живет?

Хлопуша нахмурился и со вздохом ответил:

– Дягиль упустил узников. За это князь приказал побить его палками и вышвырнуть на улицу, лишив всех привилегий. Пока он отлеживался после побоев и ожогов, охоронцы вынесли из его избы все, что он заработал за десять лет честной службы.

– Чем же он живет?

– Тем же, чем и другие калики. Побирается у капищ.

– Хватит болтать! – Дягиль поставил на стол деревянный, тронутый гнилью ковш с холодной водой. – Просил водицы – пей!

Хлопуша взял ковш и вежливо отхлебнул.

– Хороша у тебя водица, – похвалил он. – Всем бы такую. Дягиль невесело усмехнулся.

– Это все, что у меня осталось. Обобрав мою избу, десятник приказал своим ратникам швырнуть в мой колодецдох-

люю собаку. Но те пожалели слепца и ослушались приказа.

– Мир не без добрых людей, – деловито высказался Хлопуша.

– Да уж, – хмыкнул слепец. – Ну? Так что у вас ко мне за дело?

Хлопуша и его юный спутник переглянулись.

– Дело у нас к тебе, Дягиль, вот какое. Когда-то ты был так хорош, что княгиня отправила тебя охранять тайное узилище под названием Мория. Было ли такое?

По обезображенному ожогами лицу калики пробежала тень.

– Ну, было, – неохотно ответил он. – Однако вспоминать мне об том не хочется.

– И все же я попрошу тебя вспомнить, Дягиль. Расскажи нам про Морию. Спрашиваем про то не ради праздного интереса.

С этими словами Хлопуша положил на стол горстку медных денег. Дягиль прислушался к звону монеток, усмехнулся и сказал:

– Я вижу, ты умеешь просить, здоровяк. Что ж, я расскажу. Хоть мне и неприятно об этом вспоминать. Мория – это каменная темница. Расположена она на большом острове. А остров тот – на стрелке огромной реки, которая в разлив подобна морю. Называется та река Волхов.

– Волхов?

Слепец кивнул:

– Да. Места те славятся своими волхвами. А волхвы ведут свое знание от северных друидов, которые много сотен лет тому назад пришли на берега реки и основали там свои поселения. Земли там дикие и ничьи. Степняки туда не суются, потому что их коням не пройти через лес-глушняк. Волхвы живут вольготно. Они в дружбе с лесными людьми, те их уважают за премудрость и почитают чуть ли не богами.

Слепец сделал паузу, усмехнулся своим мыслям и продолжил:

– Князь Добровол волхвов не трогает, потому как состоят они у него на честной службе. Предсказывают судьбу, помогают советами, но более ценны тем, что приносят ему камни-самоцветы. Малахит, аметист, бирюза – все, что находят в своих непролазных лесах.

– И чем же он им платит за эту службу?

– Морией. Эта темница и есть его плата. Волхвы – чародеи. Они могут ворочать бревна одною лишь силою взгляда, но силы их небезграничны. Чтобы волхвовать, им потребна постоянная подпитка.

– Князь привозит им еству?

Дягиль отрицательно покачал головой.

– Нет. Волхвы питаются человеческими страхами. Черпают их из кошмарных снов.

– А где ж они...

«А где ж они берут эти кошмарные сны?» – хотел было спросить Хлопуша, но вдруг осекся и побледнел. Он все по-

нял.

– Ты хочешь сказать, что пищей волхвам служат кошмарные сны, которые видят узники Мории?

Дягиль кивнул безобразной головой и коротко ответил:

– Да.

– Никогда не слыхивал о таких чудесах.

– На свете много чудес, о которых ты не слыхивал, – заверил слепец. – Это – одно из них.

– Но почему говорят, что из Мории невозможно убежать?

– Потому что охраняют узилище не только люди, но и волхвы. Стоит кому-то без спросу переступить границу их владений, как непрощеный гость тут же превращается в прах!

– Это все сказки, – неуверенно проговорил Хлопуша.

– Сказки? – Дягиль прищурил выжженные глазницы. – Ты там был?

– Нет, – вынужден был признать Хлопуша.

– Тогда не говори, чего не знаешь. Я охранял Морию полгода. И за эти полгода натерпелся столько страхов, что ино-му хватит на всю жизнь.

Хлопуша нахмурился, но тут заговорил юноша:

– Дягиль, ты сказал, что узники Мории видят кошмарные сны. Откуда же берутся эти сны?

– Их насылают сами волхвы, – сухо ответил слепец.

Здоровяк и юноша переглянулись. Хлопуша еще больше нахмурился и спросил:

– Как волхвы это делают?

– Этого я не знаю, – отчеканил Дягиль.

– Гм... – Хлопуша поскреб пальцами нос. – Это пострашнее крыс, которые выедают тебе печень. Я не боюсь ничего на свете... Но кошмаров – боюсь.

На этот раз Дягиль не усмехнулся. Напротив, его обезображенное шрамами лицо как-то неприятно и тревожно дернулось.

– Зачем вам знать про Морию? – сипло спросил он. – На кой леший она вам сдалась?

– Один мой друг томится в Мории, – ответил Хлопуша, сжав руки в кулаки. – Давно. Счет пошел на годы.

– Ты говоришь о Глебе Первоходе? – уточнил слепец.

– Да. – Кулаки богатыря сжались так сильно, что костяшки его толстых пальцев побелели. – Лучше бы я не знал того, что ты мне только что рассказал, Дягиль.

Бывший охоронец качнул страшной головой.

– Я не рассказал тебе и сотой доли того, что знаю о Мории. Воистину, лучше принять мучительную смерть, чем попасть туда.

Хлопуша хотел что-то сказать, но юноша его опередил. Вперив взгляд в слепца и подавшись вперед, он порывисто проговорил:

– Возможно ли спасти узника, попавшего в Морию?

– Ты хочешь вытащить Первохода? – удивился Дягиль.

Юноша сдвинул брови и сухо ему ответил:

– Первоход нужен мне. И если придется отправиться за ним в ад, я отправлюсь в ад.

Дягиль едва заметно усмехнулся.

– Я никогда не был в аду, но думаю, что Мория ничуть не лучше. А за Первоходом тебе идти не следует. Даже если ходок жив, он уже не тот, каким был прежде.

– Что ты имеешь в виду, охоронец?

Слепец посмотрел на юношу пустыми, обезображенными огнем глазницами и сказал:

– Редко кому из узников Мории удастся сохранить рассудок. Большую часть дня и ночи узники спят, усыпленные дурманящими травами. И все это время им снятся кошмары. Выход из этого один – смерть. Но смерть не спешит за ними. Волхвы поддерживают силы узников с помощью целебных трав и чудодейственных заклинаний.

– Ты сказал, что волхвы питаются их кошмарами?

Дягиль кивнул:

– Верно. И я не советую тебе туда соваться. Даже если ты сумеешь пробраться на остров, ты все равно умрешь. Не раньше, так позже. И смерть твоя будет ужасна и мучительна.

Юноша сдвинул тонкие брови и потребовал:

– Расскажи мне, как добраться до Мории, а об остальном не беспокойся.

Новая горстка меди рассыпалась по столу. Дягиль улыбнулся и сказал:

– Этот звон – лучше любой музыки. Хорошо. Я расскажу

тебе, как добраться до острова. Но имей в виду – лес и река вокруг Мории кишат ловушками, которые расставили хитроумные волхвы. Ты храбрый юноша, Лесан, но будь очень осторожен, вступив на их земли.

– Да будет так, – кивнул парень и приготовился слушать.

Ночь была звездная и теплая. Лесан задумчиво смотрел на звезды, и лицо у него при этом было такое, будто он видит не обычное ночное небо, а чудо чудное. Хлопуша легонько толкнул его плечом и спросил:

– У тебя есть деньги?

Парень вздохнул и покачал головой.

– Уже нет.

– Добраться до Мории без денег будет непросто.

– Деньги у меня были. Но у меня их украла молодка со Сходной площади.

– Вот как? – богатырь усмехнулся и взглянул на юношу с любопытством. – А не слишком ли ты молод, чтобы развлекаться с молодками?

Парень на это ничего не ответил. Тогда Хлопуша сказал:

– Ты забавный парень, Лесан. И я рад, что ты появился в моей жизни.

– Завтра утром я из твоей жизни исчезну, – заверил верзилу парень.

Хлопуша качнул большой, встрепанной головой.

– Вот уж это – нет. Мы отправимся в Морию вместе. Но для начала нужно хорошенько подкрепиться и запастись харчами на два дня пути.

Юноша отвел взгляд от звезд и внимательно посмотрел на

здоровяка.

– Ты правда это сделаешь? – спросил он недоверчиво.

– А ты как думал? Первоход – мой друг. Случись со мной такая беда, он бы сделал все, чтобы вытащить меня. – Хлопуша нахмурился и добавил: – Об одном жалею: что не отправился на его поиски раньше.

– Отчего ж не отправился?

Богатырь пожал медвежьими плечами.

– Не знаю. Меня точно кто околдовал. А появился ты – и колдовство рассеялось. Будь рядом со мной Рамон, оно бы рассеялось гораздо раньше.

– Рамон? Кто это?

Хлопуша добродушно усмехнулся.

– Один толмач, с которым мы крепко дружили. Когда мы были вместе, я мог ни о чем не думать, потому что он был моей головой и моими мозгами.

– И где он теперь?

– Пропал. Вскоре после того, как князьи охоронцы схватили Первохода и увезли его в Морию.

Лесан поежился от холодного ветра и раздумчиво проговорил:

– Не знаю даже, радует меня твое решение или огорчает. Я рад, что у меня будет сильный спутник. Однако ты должен знать, что, если на нас нападут, я буду спасать себя, а не тебя. Я не имею права погибнуть, пока не найду Первохода и не приведу его туда, где ему надлежит быть.

– На мой счет не беспокойся, – заверил его богатырь, веселясь от самоуверенности паренька. – Я и сам могу о себе позаботиться.

Лесан немного помолчал, а затем нехотя и как бы через силу произнес:

– Есть еще кое-что, о чем ты должен знать.

– Тебя зовут не Лесан, и ты прибыл не из Поморья?

Юноша отрицательно качнул головой.

– Нет, не это. – Он поднял руку, уцепился пальцами за шерстяную шапочку и одним движением сорвал ее с головы. Длинные, каштановые пряди рассыпались по его плечам.

Хлопуша заморгал глазами.

– погоди... Так ты... Ты...

– Я не парень. И зовут меня не Лесан. Я – Лесана.

Некоторое время Хлопуша с изумлением пялился на девушку, потом обхватил голову огромными ладонями и просто-напросто:

– Меня одолела девка!.. Мыслимо ли такое?

– Тебе не в чем себя упрекнуть, – сказала Лесана, прищурив серые спокойные глаза. – Ты дрался яростно и умело. Никогда прежде у меня не было такого сильного противника.

– И все же ты меня одолела, – с мрачным отчаянием констатировал Хлопуша. – Если бы я знал, что ты девка, я бы не сдался. Скорее уж позволил бы сломать себе руку.

Лесана улыбнулась.

– Кажется, ты собирался отправиться на поиски ествы?

Если это так, то раздобудь по пути и хороших лошадей.

Хлопуша тяжело вздохнул.

– Н-да... Не думал, что бывают такие девки, как ты. Но нам понадобятся не только лошади, но и оружие.

– У меня есть все, что нужно, – сказала на это Лесана. – А о себе позаботься сам.

Она снова натянула шапочку на голову и убрала под нее волосы. Глядя на девушку, Хлопуша вдруг понял одну вещь, от которой ему стало и приятно, и неуютно одновременно. Парень, с которым он дрался на помосте, оказался не просто девкой, а *красивой девкой*. Тонкий стан, длинная шея, нежный овал лица, огромные глаза и чувственные губы – не заметить все это мог лишь полный дурень.

«Я и есть этот дурень», – с досадой подумал Хлопуша.

– Сейчас мы разойдемся, – сказала Лесана. – А на рассвете встретимся – на этом же месте. Ты приведешь лошадей.

– А ты? – поинтересовался Хлопуша. – Чем будешь заниматься ты?

– Я схожу в лес и соберу кой-какой травы.

– Зачем?

Лесана едва заметно усмехнулась и коротко ответила:

– Пригодится.

Хлопуша был недоволен тем, что выслушивает распоряжения от девки. Однако все в ее облике говорило об одном: откуда бы ни прибыла Лесана, но там, в своей стране, она явно была не из последних.

Поняв это, Хлопуша скрепя сердце заставил себя привыкать к мысли, что отныне верховодить им будет молодая девка.

Прошка Суховерт был доволен своей жизнью. Не нравилось ему лишь одно, а именно: то, что он выглядел гораздо моложе своих лет. На улице прохожие называли его отроком, хотя по годам он давно уж был настоящим мужиком.

Впрочем, малый рост и худое сложение помогали Прошке в его деле. Разве смог бы он влезть в узкое окошко амбара, не будь он так мал да гибок? Да во всем Хлынь-граде не было такой дыры или такого переулка, в которые Прошка не смог бы протиснуться!

И все же иногда было обидно. Особенно когда молодые бабы не принимали его всерьез. Да и прозвище «ворёнок», которое дали Прошке взрослые воры, порою сильно его раздражало. В остальном же Прошка был удовлетворен своей жизнью и не желал в ней ничего менять.

Сидя за столом, Прошка хмуро смотрел на живого мертвеца, которого впустил и пригрел. Впервые Суховерт видел такого смиренного и странного упыря. Обычно в глазах у мертвеца нет ничего, кроме пустоты и голода. А этот смотрел, как человек. Нет – скорее, как собака!

Досадуя на себя за чрезмерную мягкость, Прошка надрезал ножом руку, выжал немного крови в деревянную плошку и пододвинул ее к упырю.

– Хлебай, чучело. Свою кровь тебе даю, понял? Это за то,

что меня от мужиков спас.

Урод схватил плоску руками, быстро вылизал кровь, затем отодвинулся в угол и там задремал. «Проснется – опять захочет жрать, – подумал, глядя на упыря, Прошка. – И чего я ему тогда дам? Не палец же опять резать. В нем и крови-то уже не осталось. А может, бросить его к лешему? Он ведь упырь. Значит, темная тварь. Чего его жалеть?»

Однако это был необычный упырь, и Прошка отлично это понимал. То синее облако, которое сгустил в воздухе жалкий урод, оказалось не просто облаком, а настоящей дырой в другой мир. Чем-то вроде окна, в которое можно высунуть голову, чтобы посмотреть, что происходит снаружи.

В тот первый раз Прошка сильно испугался. Едва поняв, что облако – это дыра и что вокруг него – не привычные Хлынские леса, а Чащоба Другого Мира, ворёнок тут же втянул голову обратно. И с тех пор голову в облако не пихал. Да и не было его больше, облака-то.

– Слышь, упырь? – окликнул Прошка. – Упырь!

Тварь вскинула голову и уставилась на Прошку своими грустными собачьими глазами.

– Ишь, глядит. – Прошка передернул плечами. – И откуда только ты такой взялся?

Упырь дернул бледными губами, будто хотел улыбнуться, но улыбаться он не умел, и вместо улыбки вышла такая жуткая гримаса, что Прошка поморщился и попросил:

– Умоляю тебя, не скалься. От твоих ухмылок у меня мо-

роз по коже.

Урод послушно перестал улыбаться.

– Вот так, – кивнул Прошка. – А теперь слушай. Я тебя кормлю и пою уже три дня. Кровушки своей для тебя не жалею. Не скажу, что ты мне нравишься, но... В общем, хочу я тебя попросить. В прошлый раз ты сотворил волшебное облако. Сможешь ли сделать его еще раз?

Мертвец снова попытался улыбнуться, но Прошка метнул на него грозный взгляд, и тот поспешно стер улыбку с лица. А потом медленно поднял правую руку и, так же как в прошлый раз, неуклюже прочертил в воздухе какой-то знак. В том месте, где прошелся его отвратительный палец, воздух стал сгущаться, превращаясь в голубоватое туманное облачко.

Прошка затаил дыхание, во все глаза глядя на то, как искрится и разрастается это облачко. А оно все продолжало расти – медленно, неуверенно, и росло до тех пор, пока не стало размером с дверь.

Упырь опустил руку и взглянул на Прошку преданными глазами, словно искал у него одобрения. И Прошка одобрил: – Молодец, упырёк!

Он поднялся с лавки и медленно, готовый в любой миг отскочить в сторону, направился к голубому облаку. При его приближении облако засветилось сильнее, будто хотело показать себя Прошке во всей красе. А оно и впрямь было красиво. Прошка остановился перед мерцающим облаком и вос-

хищенно пробормотал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.